

АЛЕКСАНДР
РАИН

ТЮРЬМА МЕРТВЫХ

НОВЫЙ ЗАХВАТЫВАЮЩИЙ РОМАН
О ПРЕСТУПЛЕНИИ НА ГРАНИ РЕАЛЬНОСТИ
И КОШМАРНОГО СНА

Александр Райн
Тюрьма мертвых
Серия «Странное дело.
Романы о необъяснимом»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57064655

*Тюрьма мертвых:
ISBN 978-5-04-113318-4*

Аннотация

Олег – высококлассный специалист, опытный сварщик. Его "золотые руки" всегда нарасхват. Именно поэтому он не сильно удивился необычному телефонному звонку, раздавшемуся среди ночи. Кто-то неизвестный предложил Олегу очень выгодную подработку. Но – с одним условием: выезжать на объект надо немедленно. Олег принимает предложение, надеясь с помощью хорошего заказа поправить свои финансовые дела. Он и не подозревает, что с этого момента для него начинается новый, необратимый отсчет времени...

Александр Райн

Тюрьма мертвых

Бум-бурум-бум... Тум-ту-ру-рум-бум.

– Дорогой, будильник.

– Ммм.

– Говорю, будильник звонит.

Бум-бурум-бум... Тум-ту-ру-рум-бум.

Номер не определен.

«Наверно, опять чертов банк звонит, одобрили мне еще одну кредитку».

Бум-бурум-бум... Тум-ту-ру-рум-бум... Там-ра-рам-бам-бам.

«Вашу мать! Четыре утра? Что за козел звонит посреди ночи? С другой стороны, хорошо, что не будильник, еще спать и спать».

«Выключить бы телефон, но мне с утра должен позвонить этот тип со стройки нового торгового центра. Там для меня есть какая-то халтурка на пару дней, будет обидно упустить шанс заработать немного наличных».

Бум-бум-бум-ту...

Мне пришлось встать с кровати и отправиться на кухню, чтобы не будить Алину.

– Алло! Алло, кто это?!

– Здравствуйте, я по объявлению, услуги сварщика, все

правильно?

– Вы что, больной? Время четыре утра! Какие, к черту, объявления!

Но голос в телефоне не обращал внимания на мой настрой и спокойно продолжал:

– У меня для вас работа, очень хороший объем, госзаказ, – голос в телефоне звучал издевательски бодро для такого времени, – оплата каждую неделю, вам это интересно?

– Что за объемы такие должны заинтересовать меня в такое время? Почему бы вам не позвонить утром?!

– Прошу прощения. Этот вопрос не терпит отлагательства. Если вы уделите мне хотя бы пару минут, я смогу объяснить. – Хрипловатый, насыщенный легким мелодичным басом голос принадлежал человеку в возрасте, но самое главное, что я отметил для себя, – он был трезв.

– ...

– Хорошо, наша фирма занимается строительством исправительных учреждений.

– Тюрем, что ли?

– Именно.

– Сроки. У нас горят сроки, мы совершенно не укладываемся, начальство давит, заставляет искать людей круглосуточно!

– Вы, конечно, извините, но какое мне должно быть, к черту, дело до ваших сроков?!

– Так здесь как раз ваш интерес и учтен! Начальство будет

идти на уступки в вопросе ваших расценок, если, конечно, вы согласитесь сейчас приступить работе.

– Сейчас?! Вот прямо посреди ночи я должен встать и пойти на работу?!

– За какую дневную плату вы готовы выйти прямо сейчас?

В голове возник вопрос: «Почему я до сих пор не вешаю трубку? В нашем городишке не платят тех денег, ради которых можно вот так посреди ночи сорваться и двинуть на работу. Пора отшивать его».

– Пять тысяч за смену!

– Мы будем платить шесть, если через полчаса вы будете в полной боевой готовности.

«Шесть тысяч? Шесть тысяч за смену? Пахнет дешевым разводом, никто не платит таких денег в радиусе пятисот километров».

– Послушайте, я не работаю ради пустых обещаний; есть хоть какая-то гарантия того, что я буду получать эти деньги?

– Конечно, мы заключим с вами официальный договор. Более того, если ваша работа нас устроит, мы готовы платить авансом. Давайте хотя бы попробуем. Один день поработаете, мы его полностью оплатим плюс добавим за беспокойство.

– Мне нужно подумать.

– Думайте, у меня еще есть пара минут, потом я буду искать другого сварщика.

Я прижал микрофон телефона рукой и, вернувшись в

свою уютную, освещенную молочным светом луны спальню, сел на кровать.

– Малыш, эй, Алина. Проснись, пожалуйста. – Я гладил ее по голове, стараясь нежно растопить тонкие стенки сновидений, а не разбить их ударом молота.

– Сколько времени? – Она так сладко урчала из-под одеяла, что мне снова захотелось уснуть рядышком с ней.

– Середина ночи. Тут звонит какой-то тип, предлагает рабoту.

– Они совсем больные, что ли? Клади трубку, мне вставать в семь.

«Как же я тебя понимаю».

– Заказов уже месяц не было, может, стоит съездить посмотреть? Как думаешь?

– Какие заказы, сам же говорил, тебе завтра должны позвонить со стройки. Ложись, пожалуйста, и не заморачивай себе голову.

– Там только на пару дней, а здесь говорят о больших объемах и хорошо, очень хорошо заработке.

– Решай сам, я тебе не указ, но на твоем месте я легла бы спать. – В ее голосе слышалась нотка раздражения. Это нормально для человека, которого будят посреди ночи и требуют принимать какие-то решения или давать советы.

Я задумался, нужно было что-то решать.

– Я съезжу.

– Хо-ро-шо, люб-лю те... – последняя фраза слиплась в

одно протяжное слово, и я понял, что она уже спит.

– Хорошо, давайте съездим, посмотрим, что там за работа такая срочная. Что от меня требуется?

– Собирайте рабочие вещи, инструмент и выходите на улицу, машина от фирмы за вами заедет.

Голос резко замолчал. Я не успел даже ничего сказать; видимо, от меня больше ничего не ждали.

Не знаю, сколько времени ушло у меня на сборы.

Я умылся, привел в порядок дыхание и сбрил двухнедельную щетину. В холодильнике лежали два йогурта, один из них предназначался мне. Взяв ложку и зачерпнув лакомство, я принялся завтракать, уставившись в окно.

Прямоугольный бетонный лес спал, укрывшись плотным пуховым одеялом из утреннего тумана. Редкие желтые точки окон тут и там просачивались сквозь него, говоря о том, что я не одинок в этом ночном пробуждении, это немного успокаивало.

Прикончив кислую фруктовую жижу и выкинув упаковку в мусорное ведро, я достал из шкафа свою рабочую одежду и сварочный аппарат. Тихонько прикрыв входную дверь и закрыв замок на два оборота, вышел на лестничную площадку.

Пока спускался по лестнице и шарил по карманам в поисках сигарет, в голове зародилась мысль: «Как же они меня найдут, если я не назвал адрес?»

Я достал телефон и начал копаться во входящих звонках. «Черт-черт-черт, дурацкий номер не определен, неужели

все зря?»

Вторая рука наконец нащупала смятую пачку в нагрудном кармане, и, достав последнюю сигарету, я принялся раскуривать ее, продолжая спускаться.

Первую глубокую затяжку удалось сделать, когда дверь подъезда открылась и я вышел на улицу. Было ощущение, что я попал в большую баню, где суровые деревенские мужики натопили так, что ничего вокруг не видно, только без адского жара. Туман беспардонно поглотил все, не давая шанса глазам разглядеть что-либо дальше вытянутой руки. Дым, из легких попадая наружу, становился частью этой плотной влажной массы, которая лезла в окна, просачивалась в вентиляционные отсеки подвалов, она оседала на коже и щеко-тала нос. Не сумев сдержаться, я чихнул.

– Будьте здоровы!

– Спасибо. – Я начал крутиться вокруг своей оси, чтобы увидеть доброжелателя, но, как оказалось, он сидел в автомобиле, что был припаркован под уличным фонарем, единственным источником света вокруг.

– Вы докурили? – Я не видел лица говорившего, так как оно было скрыто тонированным стеклом, опущенным лишь на несколько сантиметров.

Я глянул на тлеющую сигарету в моих пальцах и, не найдя взглядом урну, выкинул ее в туман, который с радостью проглотил окуроч. Не зная, что делать дальше, я стоял, не двигаясь, и тупо рассматривал автомобиль. Это была большая

темная машина – прирученный дикий зверь, молча смотрящий вперед желтыми глазами, внушающий уважение одним своим видом. В наш двор такие заезжают крайне редко.

«Да уж, работая сварщиком, такую себе никогда не купишь», – грустно подумал я про себя.

– Садитесь.

– Это вы мне?

– Здесь вроде бы больше никого. – Поставленный командирский голос звучал холодно и властно, чувствовалась военная выправка.

«Действительно».

Я нерешительно подошел к водительской двери, чтобы посмотреть на говорившего, но человек предпочел не показывать лица; вместо этого он нажал на кнопку, и я услышал, как сзади открылся багажник.

Прежде чем сесть, я все-таки решил окончательно убедиться, что приехали именно за мной, а не за моим соседом-адвокатом, который на ночь глядя собрался куда-нибудь на море.

– Как вы нашли мой адрес?

– В объявлении был указан.

Я начал перебирать в голове все объявления, которые оставлял на просторах интернета за последний год. Теоретически в одном из них я мог указать место жительства. Что ж, все звучало вполне логично.

Сложив вещи в багажник, я открыл заднюю дверь и аккумуля-

ратно, чтобы случайно не поцарапать «зверя», залез внутрь.

В салоне сильно пахло еловым лесом, кожаными сиденьями и дорогим табаком. Я чувствовал себя так неуютно, словно мы едем не на работу, а на свадьбу прокурора.

Спустя несколько секунд машина тронулась. Скажу честно, я боялся; со мной подобные вещи происходили впервые.

За стеклом ничего было не разобрать. Дома, деревья, билборды – все это стало жертвой ненасытного тумана. Глаза видели лишь мелькающие огни дороги и фары изредка проезжающих рядом с нами автомобилей. Но я достаточно хорошо ориентировался в городе, чтобы понимать, что мы едем в ту сторону, где город заканчивался.

– Я с вами разговаривал по телефону?

– Нет, не со мной. – Человек отвечал коротко и неохотно, давая понять, что беседы у нас не выйдет. Но меня это мало волновало.

– Может, скажете, куда мы едем?

– В одну деревню неподалеку от города, минут двадцать езды.

– Деревню? Речи не было о том, что придется работать за городом!

– Я, к сожалению, здесь ничем не могу помочь, мое дело – отвезти, дальше разговаривайте с тем, кто вас нанимает.

«Блин, зачем я вообще согласился на этот бред!»

После того как в зеркалах заднего вида показалась подсвеченная городская стена, я поймал себя на мысли, что очень

сильно пожалею обо всем этом; от волнения правая рука непрерывно расчесывала нервно подергивающуюся коленку.

– Что за деревня, вы хотя бы можете сказать?

– Кулаево.

«Кулаево, Кулаево, черт его знает, что это за дыра».

Я решил, что, как только приедем на место, сразу же отправлю Алине СМС с координатами – так, на всякий случай. Всю оставшуюся дорогу мы ехали молча, лишь изредка слушая щелканье поворотников. Я то и дело поглядывал на экран телефона, минуты меняли друг друга предательски медленно, хотя, по ощущениям, мы пересекали вселенную.

Когда на часах было уже на пару минут больше обещанного на путь времени и я хотел было обратиться с новым вопросом, машина свернула с трассы на грунтовую дорогу. Мягкая подвеска хоть и сглаживала все неровности, но я все равно ощущал задом камни и ямы, в которые то и дело проваливались колеса.

Спустя минут двадцать мы наконец остановились.

– Приехали.

Я не стал ждать, пока меня попросят выйти, и, покинув салон, сразу же подошел к багажнику, чтобы забрать вещи. Как только я его захлопнул, машина сразу же тронулась с места и пошла на разворот, а через секунду пропала в тумане.

Я остался один на дороге со сварочным аппаратом в руках; нужно ли говорить о том, какие мысли тогда плодились в моей голове.

– Доброй ночи! – раздался голос позади меня.

– А-а!

От неожиданности я выронил из рук инструмент и, обернувшись, выставил перед собой кулаки. В бледно-синем свете луны стоял престарелого вида мужчина в строгом костюме цвета мокрого асфальта (что-то из моды прошлого века). Худощавое лицо покрывали глубокие борозды морщин. Редкие седые волосы были приглажены на одну сторону, а крючковатый нос украшали две огромные ноздри. Он напомнил мне какого-то профессора из института, что постоянно сидит в своем пыльном кабинете, листая желтые страницы учебников по технической механике. Я предпочел молчать.

– Извините, что напугал, это все туман. Сергей Иванович, мы общались по телефону. – Мужчина протянул мне свою костлявую, с выпирающими венами руку.

– Олег, – представился я в ответ и осторожно пожал неприятную кисть.

– Пойдемте?

– А далеко идти? Я что-то не слышу и не вижу стройки.

– Так это потому, что она не здесь, просто машина дальше не проедет, нужно пройти полем и через деревню, а дороги там уже давно нет, деревня-то заброшенная...

– А почему вы не предупредили меня о том, что работа будет за городом?

– А это имеет значение?

– А разве нет?

– Вы хотите вернуться? Неужели вам не будет жаль потраченного времени? Вы даже не взглянули на фронт работ.

Эти слова немного задели меня, но я не стал этого показывать.

Немая пауза.

– Ну что, идемте?

– Идем...

Небольшая тропинка, на которой умещалось два человека, тянулась вдоль заросшего высокой травой поля. Инженер шел чуть спереди, прокладывая дорогу в этой непроглядной пучине. Для человека его возраста он был довольно прыток, и я еле поспевал за его широким шагом. Но старался не отставать, боясь, что туман поглотит его, навсегда спрячет от моих глаз и тогда займется мной.

Вокруг царила жуткая тишина, я не привык к такому. Понятно, что это не город с его живыми дорогами, слоняющимися по дворам пьяными подростками, воющими сиренами днем и ночью, уличными животными, шарахающимися по помойкам в поисках съестного, но все равно мне казалось, что это ненормально. Ни единого сверчка, кузнечика или кто там еще обычно свистит в ночи. Слышались лишь удары ботинок о твердую почву и шелест колышущейся от ветра травы. Это держало меня в напряжении, хотелось разорвать тишину.

– Может, все-таки объясните, почему такая срочность?

– Дело в том, что в тюрьме практически не осталось сво-

бодных камер, а поток новых заключенных за последнее время увеличился, скоро их некуда будет располагать.

– Так, погодите-ка, тюрьма что, действующая?

– Да, она давно начала принимать своих, кхе-кхе, «постояльцев» и постоянно расширяется.

– И что, мне придется работать рядом с зэками?! – Такой расклад меня не устраивал, надеюсь, он понимает, что это невозможно.

– Нет, что вы, не переживайте, вы будете работать в крыле, которое еще не запущено.

– А в чем, собственно, состоит моя задача?

– Вам нужно будет варить металлические решетки, ну, знаете, те, что стоят в камерах.

– Я почему-то всегда думал, что это только в кино так, а в тюрьмах стоят двери.

– Не всегда, тюрьмы бывают разные, здесь используется такая система.

– Ясно...

Пока мы шли, я несколько раз замечал вдалеке какой-то силуэт, возвышающийся к небу и отбрасывающий блики, словно маяк, но из-за проклятого тумана было не разобрать. Маяк то появлялся, то снова исчезал, и я никак не мог разглядеть, что это. Одно было ясно точно – мы шли в его направлении, а значит, предположение, что это маяк, подходило больше всего.

Сварочный аппарат хоть весил и не много, но рука у меня

уже отваливалась, да и ступни покалывало от непривычного хождения по каменистой почве.

Перед нами наконец возникли первые признаки человеческого жилья. Реденький заборчик из частокола торчал на метр из земли. Возможно, лет двадцать, а то и тридцать назад здесь был ухоженный плодородный участок с выкошенным газоном перед домом. Сейчас же здесь все поросло метровой крапивой и бурьяном. Где-то в глубине этих сорняковых джунглей виднелась покосившаяся сараюшка, которая непонятно как еще держалась. Изба была уничтожена пожаром. Видимо, горело знатно, так как целыми остались лишь три обугленные стены и чудом не упавшая кирпичная труба, гордо стоявшая там, где когда-то была четвертая стена. Это случилось так давно, что в воздухе не осталось и намека на запах гари, пахло лишь луговыми травами и сыростью от земли.

Спустя несколько шагов я понял, что этот дом был не единственной жертвой огня. Здесь таких пожарников целая улица, а то и половина деревни.

– Что здесь случилось?

– Как я слышал, какой-то мужик приревновал жену к соседу и, перебрав местной сивухи, пошел мстить. Он поджег хлев, в котором спала скотина, а там сено, сухие бревна, сами понимаете, фух, как спичка, и фиг потушишь. Дальше как по нотам: пламя быстро перекинулось с дома на дом, и в итоге получилось то, что мы с вами сейчас видим.

Он рассказывал, а меня преследовало ощущение, что я на какой-то экскурсии.

Но многие дома все же уцелели, если эти сгорбатившиеся, унылые хибары можно так назвать.

Мы шли, не останавливаясь, пока перед нами не возник он – маяк. Старая церковь из красного облезлого кирпича претенциозно возвышалась над всеми остальными низкорослыми постройками. Купол вместе с кривым крестом держался на соплях. Иногда лунный свет пробивался сквозь толщу тумана и отражался от креста, вот что бликовало. Окна были выбиты, так что заколоченные двери не сильно спасали от возможного проникновения. Фасад пооблетел, оставив на виду голые обшарпанные стены, поросшие мхом. На фоне безжизненных домов это здание навевало смертельную тоску и тревожность. Вся эта атмосфера вокруг напоминала фильм ужасов, по спине стекали ручейки холодного пота, выделявшегося от волнения или от долгой ходьбы, а может, от всего сразу. Я постоянно оглядывался по сторонам, всматриваясь в каждую деталь, ожидая, что в любой момент из-за угла или куста выпрыгнет вурдалак и утащит меня в темноту.

Спина уже изнывала, хотелось сделать перекур, присесть, перевести дух.

– Далеко еще?

– Нет, вон за тем леском уже тюрьма. – Сергей Иванович уверенно ткнул своим тощим пальцем в воздух, указывая направление, а я понимающе кивнул, как будто действительно

видел этот самый лесок.

Чем дальше мы шли, тем сырее и тяжелее становился воздух, запах грибов и болотины наполнял легкие. Деревня была позади; каменистая, твердая почва сменялась на мягкую и податливую, это означало, что мы на подходе к лесу.

«Господи, куда этот маньяк меня тащит?»

Все это время меня не покидала мысль о том, что нет никакой тюрьмы, что все это какой-то развод с целью затащить меня подальше от людей и... убить? Но зачем? Я вроде бы никому ничего плохого не сделал. Разве что в прошлом году забрал инструмент у того козла, который отказался заплатить мне за работу, но не мог же он организовать все это из-за пары шуруповертов и лобзика, хотя... да нет, он слишком тупой и ленивый для таких махинаций. Я старался гнать прочь дурные мысли, но с каждым шагом делать это становилось все сложнее.

Тут мой нос почувствовал знакомый запах, он был таким сильным и насыщенным – пахло елками. Где же я недавно сталкивался с чем-то подобным? В голове невольно возникали образы – я открываю дверь и сажусь в авто.

«О, точно! В машине, которая привезла меня сюда, пахло точно так же, не считая сигарет. Но водитель вряд ли бродил тут, а от инженера я подобного запаха не учуял, странно, конечно».

Дорожка проходила прямо через самую гущу, воздух здесь был гораздо прохладнее, чувствовалась лесная све-

жесть. Мы шли мимо молчаливых хвойных стражей, которые под действием ветра кивали своими кронами, словно наклоняясь и спрашивая:

– Кто там? Что вам здесь нужно?

Было очень темно, из-за плотно стоящих друг к другу стволов лунный свет практически не проступал. Весь лес шелестел, деревья терлись друг о друга, под нашими ботинками хрустели опавшие сухие ветки, все это не на шутку пугало, я был очень рад, что не один в этом месте и в этот час. В детстве в таком лесу меня потерял отец, когда мы собирали грибы. Ох и натерпелся я тогда за пару часов. С тех пор у меня особое отношение к таким местам и природе в целом. Для меня она слишком живая, я чувствовал себя чужаком в этом месте, хотелось скорее бежать прочь.

– Это что, мне вот так каждый день нужно до работы добираться?!

– Зачем же! Вы останетесь на объекте на время работы. – Он говорил это так спокойно, будто я проглочу любую информацию, никак не отреагировав.

– В каком это смысле останусь на объекте?! – Я остановился и поставил сумки и аппарат на землю, дав понять, что не сделаю и шага больше, пока эта ситуация не прояснится.

– Вы же ездили в командировки? Представьте, что это она, у вас будет отдельная комната со всем необходимым.

– Так не пойдет, я живу дома с женой, точка! – Терпению пришел конец, я уже собирался разворачиваться.

– Плюс пять тысяч в неделю командировочными решат эту проблему? – Я слышал, как слегка поменялся его голос, теперь в нем появились металлические нотки, он явно был раздражен.

Я задумался. Прилившая к сердцу злость потихоньку отступала, теперь я чувствовал легкое приятное волнение, которое растекалось по венам.

«Пять тысяч плюсом – весомый аргумент».

Набегала неплохая сумма. Всего за месяц я мог решить больше половины своих проблем: починить машину, отдать за долбаный домофон, закрыть кредит, который брал на холодильник.

«Месяц поработаю и свалю, да, так я и сделаю».

– Да, решит. – Сказав это, я хотел было достать сигарету, но потом вспомнил, что недавно скурил последнюю.

– Вот и славно, не будем больше останавливаться, уж очень много времени теряем.

После этих слов мы двинулись дальше.

Лесок закончился, мы наконец вышли на открытую местность, где туман оказался гуще всего. Здесь был самый эпицентр, как будто где-то рядом стоял огромный парогенератор и без остановки качал пар в атмосферу.

– Пришли.

– Я ничего не вижу.

– Это все из-за тумана, лес очень болотистый, поверьте, мы на месте.

Я посмотрел под ноги, но не увидел ничего ниже колен, нужно было сделать шаг.

«А вдруг я провалюсь в вырытый котлован? Или, споткнувшись, упаду на торчащую из земли арматуру и пропую себе брюхо?»

Сергей Иванович посмотрел на меня взглядом вроде: «Чего стоишь, резину тянешь?»

Сам он спокойно двинулся в туман и через секунду исчез. Я дышал так, как дышат, собираясь идти на смерть, затем по привычке закрыл на пару секунд глаза, как делал всегда перед тем, как совершить что-то рискованное, и сделал маленький шаг. Ботинок промял влажную землю и погрузился на несколько сантиметров в жижу.

«Твою же мать. – Делать нечего, нужно было идти дальше. – Осторожно, еще один шаг, ботинки от грязи уже не спасти».

Хлюпая и совершенно ничего не видя перед собой, я двинулся вперед, туда, где исчезла спина инженера. Здесь было еще холоднее, чем в лесу, изо рта шел пар, рука невольно потирала потекший нос, и это все несмотря на то, что на дворе середина июля.

По ногам прошла какая-то вибрация, затем еще раз и еще, до ушей наконец стали доноситься звуки. Я прислушался, где-то неподалеку глухие удары отбивали ритм: «бум-бум-бум». Я начал идти чуть быстрее, но немного пригнувшись и смотря по сторонам, будто опасаясь затаившегося

в укрытии снайпера. Спустя несколько шагов я увидел, как неподалеку из пелены что-то вылетает кверху и через секунду стремительно падает вниз, раскидывая клубы тумана по сторонам. Это была сваябойная машина, я много раз видел такие. С каждым таким падением молота бетонная палка уходила на несколько сантиметров в землю. Бетонные штыри торчали повсюду, напоминая шипы гигантского чудища, тянущиеся по его спине. Оба конца этой колоннады уходили в туман, и не было ясно, сколько всего их. Звуков становилось все больше, что-то рубилось, стучало, ломалось; да, определенно, я был на стройке. Наконец сквозь пелену начали появляться какие-то силуэты. Я уже догнал спину Сергея Ивановича и отставал лишь на несколько шагов. Мимо меня всего в метре прошел человек с кувалдой на плече, лица его я разглядеть не успел, он очень тихо, словно не касаясь земли, выплыл из ниоткуда и нырнул в никуда. Справа четверо людей в серых робах, таких же серых и скучных, как и туман вокруг, крепили бетонную плиту, а рядом за процессом наблюдал высокий мужчина в длинном плаще.

«Должно быть, прораб».

Он стоял боком, неподвижно, скрестив руки на груди, молчаливо наблюдая за происходящим, как статуя. Вообще я заметил, что все работали молча, словно набрав воды в рот, никто не командовал, не кричал, даже между собой они не разговаривали. На такой стройке я был впервые.

«А вдруг это все рабы?! Им отрезали языки и держат в

кандалах, заставляя работать», — эта версия почему-то показалась мне весьма реалистичной, исходя из атмосферы вокругу, и я начал прокручивать ее в голове.

Мне захотелось разглядеть получше человека в плаще, он мне напоминал офицера вермахта, но ракурс был неудобный. Я заглядывал со всех сторон, чтобы увидеть хотя бы лицо, и я увидел. Точнее, мне показалось, что увидел, в реальности так быть не могло. Лицо, как и весь человек, было словно выточено в скале: маленькие губы, сложенные в узкую полоску, над ними торчал идеально прямой нос, острые скулы выпирали наружу, добавляя угловатости; и глаза... Это было что-то невероятное: два пустых, темных, неровных круга. Они были похожи на черные дыры, те, что из космоса. Готов поспорить, что они двигались, росли, их тьма засасывала туман, мне вдруг резко стало не по себе, воздух потяжелел, мышцы внутри напряглись и начали изнывать, я чувствовал, как тьма этих глаз притягивает меня. Я смотрел всего секунду, разинув рот, а через миг в ужасе отвернулся.

«Господи боже мой, господи, наверное, показалось».

Меня потрясывало, дыхание сбилось, а ко рту подступил недавно съеденный йогурт, я постоял несколько секунд, глядя в серую пустоту, а затем, взяв себя в руки, двинулся дальше. Мы немного прошли вперед, безглазый остался позади; я не мог удержаться, чтобы еще раз не убедиться в том, что увидел, и обернулся. Человек уже был повернут ко мне спиной.

«Это какой-то бред. Так не бывает, нет, точно не бывает».

На всякий случай я быстро поставил аппарат на землю, перекрестился, глубоко вдохнул, раз-два-три, затем протяжно выдохнул. Я как-то видел такой метод по телевизору. Затем быстро догнал инженера, который снова оторвался метров на десять. Руки изнывали от усталости, на правой ноге из-за ходившего ходуном ботинка натиралась мозоль, от волнения у меня начало колоть в области сердца, хотелось бросить аппарат и бежать со всех ног.

«Черт, все это какой-то бред собачий, мне тупо нужно поспать».

Я старался гнать дурные мысли прочь.

– Почему все работают молча? Что это за место такое? – не выдержал я.

– Это заключенные, им нельзя разговаривать.

– Заключенные? Я думал, тут работают строители! Почему им нельзя разговаривать?

– Здесь действуют определенные правила, которые легче не нарушать, чем потом жалеть об этом. Этим заключенным позволено работать, проводить время вне камер, они получили такую возможность спустя много лет хорошего поведения; один проступок, и все, здравствуйте, три стены и решетка круглый год. Поэтому все они ведут себя так, как велено, и тюрьма, в свою очередь, их не обижает.

– Мне что же, придется работать вместе с ними?

– Нет, что вы, они работают только на возведении фунда-

мента и стен; все, что касается камер, решеток, безопасности тюрьмы – здесь они не принимают участие. Так что можете не переживать. На вашем участке заключенных не будет совсем.

Вроде бы все логично, но я не мог успокоиться.

«Почему заключенные должны работать по ночам? Здесь что, вообще не слышали о нормах трудового дня?»

Больше я не отставал и не смотрел по сторонам. Этот туман, он, кажется, что-то делал со мной, с моим разумом, проникал в голову и заполнял собой; иногда мне казалось, что я до сих пор сплю.

Постепенно сырая, чавкающая земля сменилась на твердый бетон, и я наконец смог обить об него свои измученные грязью ботинки.

«Могли бы и предупредить, что тут болото». Я был очень зол, ведь эти ботинки мне еще носить до зимы.

– Сергей Иванович, мы вообще сегодня дой...

Я не успел выразить возмущение, потому что перед моим носом совершенно из ниоткуда выросла огромная, неприступная каменная стена, мостом соединившая землю и ночное небо.

– О-хре-нетъ. – Я не смог сдержать эмоции, их была целая палитра: удивление, восторг и даже немного ужаса. Впервые в жизни я видел подобное строение.

«Нормальный такой заборчик», – эту фразу я предпочел оставить внутри собственной черепушки.

Гладкая поверхность стены не имела выступов, окон, даже камни лежали идеально ровно, один на другом, как кубики LEGO. Туман разбивался о зеркальную поверхность, рассеивающую лунный свет, и растекался в разные стороны. Мне захотелось дотронуться до этого «чуда», и я протянул руку.

– Не трогай! – вдруг резко вскрикнул инженер, увидев, что я собираюсь сделать.

Я, перепугавшись, резко отдернул руку, словно меня только что спасли от ожога, пару секунд, не понимая, что случилось, вопросительно смотрел в сторону Сергея Ивановича.

«Это шутка такая?» Но он явно не шутил.

– Прошу запомнить, это очень, очень важное правило – эту стену трогать запрещено. – Его глаза злобно блеснули, он говорил таким тоном, каким обычно учитель отчитывает школьника за непослушание.

Я не понимал, что происходит, ситуация была дурацкой и странной.

Сергей Иванович глубоко вдохнул, зачесал пятерней волосы на голове набок и, медленно выдохнув носом, заговорил:

– Я прошу прощения, поймите меня правильно, на стене нет отпечатков пальцев. Каждые два часа вокруг тюрьмы идет обход, стену подсвечивают, проверяют на наличие отпечатков. Если вдруг обнаружится хотя бы намек на чьи-то пальцы, поднимут тревогу, и начнутся проверки. В итоге вся стройка встанет минимум на сутки.

Мне все еще казалось это какой-то несмешной шуткой, но инженер был непреклонно серьезен.

Вдоль стены тянулась протоптанная тропинка, по которой мы и пошли. «Как в такой темноте можно разглядеть отпечатки или вообще что-либо?»

Мы шли минут пять, шум стройки постепенно оставался позади, все глуше доносилось эхо забиваемых в землю свай. Масштабы здания были невероятными, эта крепость никак не хотела заканчиваться; мне начало казаться, что мы никогда не попадем внутрь, пока Сергей Иванович резко не остановился и не повернулся к ней боком.

Я еле разглядел немного углубленную в каменную кладку дверь. Она была того же бледно-серого цвета, что и всё вокруг. Обычный кусок железного полотна на петлях с выпирающими цифрами кодового замка. Сергей Иванович нажал несколько цифр своими костлявыми пальцами, и механизм замка щелкнул, намекая на то, что мы можем войти. Инженер толкнул тяжелую металлическую дверь, и она провернулась на петлях. Я зашел вслед за ним. Теплый воздух ударил в лицо вместе с удушливым запахом плесени. Перед нами был узкий коридор, вдоль его стен висели овальные светильники, рассеивающие тусклый зеленоватый свет. Дверь с грохотом закрылась, я обернулся на звук и тут увидел обратную сторону дверного полотна. Оно было исписано сверху донизу мелкими буквами, сложенными в слова незнамого мне языка. По углам двери сидели любопытные узоры,

напоминающие древние символы из «Археологических загадок» по Discovery. Я хотел было спросить у инженера, что все это означает, но он уже ушел в глубь коридора, и я тут же поспешил за ним. Странные слова и узоры какое-то время еще стояли перед глазами, но тут я увидел Сергея Ивановича, ждавшего меня на распутье, и мысли о двери улетучились куда-то прочь. Коридор разделился на две части.

– Олег, не отставайте, пожалуйста, иначе заблудитесь. – Сказав это, он свернул вправо, и я последовал за ним.

В новом коридоре нас встретили узкие стены и низкий потолок, едва не задевающий макушку. Два человека не разошлись бы здесь, поэтому мы шли друг за другом. Должно быть, это сделано специально, чтобы легче было вести заключенных. Думаю, если бы я страдал клаустрофобией, это место свело бы меня с ума. Стены были покрашены в унылый бежевый цвет, то тут, то там виднелись проплешины отвалившейся от сырости штукатурки, потолок был в желтых разводах и со вспученной побелкой, весь этот тоннель напоминал заброшенный бункер времен Второй мировой. По дороге я заметил на стене ярко-красную цифру 3, должно быть, номер коридора. Через какое-то время мы снова оказались на развилке, но теперь здесь было три пути. На этот раз мы пошли прямо. Коридор был шире предыдущего, и мы спокойно умещались здесь вдвоем. Тоннель извивался, поворачивал, иногда даже становился шире. Теперь цифра 14 красовалась на одной из стен, сразу после нее мы свернули, про-

шли метров сто и снова вышли на развилку; она была один в один как первая, даже запыленные лампы выглядели точно так же, мы свернули налево. От всех этих ходов и путей у меня разболелась голова.

– Простите, что это за лабиринты?

– В этой тюрьме такая противопобеговая система. Даже если заключенный каким-то образом сможет покинуть камеру и добраться досюда, то он обязательно заблудится. Здесь сотни разных вариантов пути. Один неверный поворот, и ты будешь месяц блуждать по этим каналам, а то и год, пока тебя не найдут.

– Как вы здесь ориентируетесь?

– Это моя работа. Я проектирую эти тюрьмы.

– А... А как же я? Как мне выходить наружу?

– Я бы вообще не советовал вам передвигаться по тюрьме без сопровождающего.

– В каком это смысле без сопровождающего? Я что, тут в роли заключенного?!

– Нет, вы здесь по найму, я же уже объяснял. Это тюрьма, здесь своя специфика, поэтому ваш ценник и проходит.

«Интересно, сколько еще раз он ткнет меня в этот ценник?»

Спустя поворотов десять-пятнадцать мы наконец вышли.

В тюрьме я был впервые, но почему-то все мне представлялось совершенно иначе. Мы находились в действующем крыле. Стены были полностью изрешечены металлическими

путьями – от пола и до самого потолка, в несколько рядов. Как бы иронично это ни звучало, но сравнить это все можно было с многоэтажным домом. Камеры находились вплотную друг к другу, разделенные лишь несущими кусками стены по бокам, сверху и снизу. Дурацкие светильники еле освещали помещение, глазам приходилось подолгу привыкать, чтобы разглядеть что-либо. Лишь какие-то темные силуэты и редкие движения в камерах говорили о том, что заключенные там есть.

Тишина стояла такая, что я слышал собственное дыхание. Лишь редкие звуки разбивающихся о бетон капель воды отражались от стен и разлетались по всему помещению эхом. Депрессивная обстановка; мне начало казаться, что в этой атмосфере даже дышать тяжело.

«За какие преступления попадают сюда?»

– Идемте, незачем останавливаться. Нам сюда. Вот, проходите, садитесь.

– Что это?! Рельсы?! Здесь?!

«Вы, блин, серьезно?»

– Тюрьма очень большая, вы же сами видите, передвигаться по ней приходится таким образом, привыкнете.

«Я боюсь представить, что же дальше».

Железная дорога начиналась прямо в крыле. В одной из стен был вырезан проем, из которого тянуло сквозняком и сыростью; у его подножья стояла небольшая шестиместная вагонетка вроде тех, что на американских горках. Никако-

го руля или его подобия, только очередное кодовое устройство. Мы сели, инженер вдавил несколько кнопок – поручни с шипением опустились, затем еще комбинация – впереди загорелся луч света; очередное нажатие – и вагонетка, издав противный скрип трущегося друг о друга железа, тронулась с места. Наконец мы не шли пешком. Дикая усталость ломала все тело: ноги гудели, руки отваливались, но зато сонливости как не бывало, ее пересиливало нахлынувшее любопытство. Я был в настоящем шоке.

«Так не бывает, я уверен, так в обычных тюрьмах не бывает».

Мы снова погрузились в тоннель, но на этот раз он был огромен, напоминал метро. Вдоль стен тянулись неоновые змейки, целыми рядами они уходили вглубь, подсвечивая все вокруг тусклым зеленоватым светом. Снова на пути попадались развилки. Пути расходились и сходились, этот лабиринт не заканчивался, мне казалось, что вот-вот откуда-нибудь вырвется Минотавр и перевернет наш маленький состав. По моим прикидкам, тюрьма была размером с небольшой городок. Скорость вагонетка развивала неслабую, из-за чего глаза без конца слезились, а в ушах стоял шум. Вдалеке показался лучик света, с каждой секундой он приближался, становясь все больше. Когда луч был совсем рядом, я прищурился, чтобы разглядеть, что это такое. Навстречу нам, стуча колесами по рельсам, ехала точно такая же вагонетка, заполненная пассажирами. Это были заклю-

ченные, я узнал их по робам вроде тех, что носили местные строители. Они промчались мимо нас, совсем рядом, буквально за секунду, взъерошив волосы и слегка качнув наш состав потоком встречного ветра.

Торможение было резким, со скрипом, в лучших традициях каруселей. Все вокруг напоминало станцию метро. Поручни поднялись вверх, и, поднявшись, мы ступили на длинную платформу. Мне даже понравилось это путешествие, по телу шли приятные адреналиновые вибрации.

– К утру-то хотя бы доберемся?

– Я понимаю, что много времени уходит на дорогу, но по-другому, увы, никак. Здесь все сделано так, чтобы заключенный не имел ни малейшего шанса выбраться. Тюрьмы совершенствуются каждый год, усиливаются, становятся более сложными, и все равно находятся такие, кто пытается сбежать.

– Сбежать отсюда? Как это вообще возможно?

– Невозможно, но когда у людей в запасе вечность, – тут он на секунду замолчал, словно осекся, лицо приняло задумчивый вид, – я имел в виду, пожизненный срок, то терять им, по сути, нечего; единственное, что им остается, – это смириться либо попробовать сбежать.

– Мне что, нужно бояться?

– Нет-нет, это крыло еще не запущено. Даже если каким-то чудом кому-то удастся сбежать, в чем я серьезно сомневаюсь...

– Ну чисто теоретически? – я никак не успокаивался, был слишком взволнован.

– Чисто теоретически что беглецу здесь делать? Выхода тут нет, прятаться ну тоже абсолютно бессмысленно, да и что ему может понадобиться от вас?

– Не знаю, возьмет в заложники.

– Не бойтесь, такого не будет. Пойдемте, вон там будет ваше рабочее место.

В этом крыле все было иначе. К платформе тянулся целый ряд невысоких бесконечных коридоров. Камеры здесь стояли не вплотную друг к другу, как в первом крыле, а на значительном расстоянии, да еще и в шахматном порядке, что-то вроде одиночек. Мне почему-то показалось, что я нахожусь где-то глубоко под землей, вдали от цивилизованного мира, среди безжизненных катакомб, не имеющих начала и конца.

– Это «коридор буйных». – Голос инженера отвлек меня от раздумий.

– Буйных?

– Да, тех, кто не хочет вести себя как полагается, пытается сбежать, нарушает дисциплину... Вот чертежи решеток, материал уже лежит возле каждой камеры, можно начинать. «Ишь какой шустрый».

Я взял слегка потрепанный и засаленный от пальцев конверт и, развернув, с видом бывалого академика начал всматриваться в проект.

– Так, ага, ясно, это так, шаг, длина шва...

«Легко и просто, разберется даже чайник».

Но одна деталь меня все же смутила, и я задержался на ней.

– Есть вопросы?

– Да нет, в принципе все ясно. Должно быть, так отпечаталось просто.

– Нет, не отпечаталось, нужно делать все как на рисунке.

– Но тут решетки внутри камеры!

– Я же говорю, нужно делать, как в чертеже.

– Но зачем решетки внутри бетонной камеры?

– Для безопасности.

– Куда безопаснее-то?

Инженер смерил меня суровым начальническим взглядом. Этот взгляд был мне знаком. Именно от таких взглядов я и сбежал, когда решил зарабатывать на жизнь самостоятельно, без чужих указаний, правил, без унижений ради честно заслуженной зарплаты.

– Делайте, как указано в чертеже, и не задавайте вопросов.

Неслышно скрипя зубами, со слегка придурковато-виноватым видом я выдавил из себя лишь:

– Вам виднее, – и пожал плечами.

– Самое главное – это качество работы; мы будем проверять каждый прут, чтобы быть уверенными в том, что никто не сможет сбежать! От этого, естественно, будет зависеть, будете вы работать или нет.

– Ясно. Ну, проверяйте, пожалуйста, я за себя не пережи-

ваю. А что насчет жилья?

– Да, конечно, оставляйте инструмент здесь, я покажу вам, где вы сможете расположиться.

Наконец я мог скинуть тянувший к земле груз. Руки почувствовали небывалое облегчение, и, немного размявшись, я последовал за Сергеем Ивановичем.

«Со светом здесь, похоже, все туго».

Светильники, висящие вдоль стен, то и дело мерцали, намекая на то, что электричество нестабильно, а значит, со сваркой будут проблемы. Я заглянул в одну из камер и был слегка ошарашен. Окон не было от слова «совсем», так что небо в клеточку – это роскошь, на которую местным постояльцам никогда, судя по всему, не заработать.

«Это что, кровать?»

Из стены торчала нетесаная деревяшка, зафиксированная цепями. Больше здесь мебели не было. Помещение размером с большую гардеробную больше напоминало предсмертную темницу для военнопленных, а не камеру заключенного.

От этих мыслей меня передернуло, и в голову снова стали закрадываться темные мысли. Внутренний голос повторял:

«Лучше бы ты спал дома».

Пока мы шли мимо этих жутких камер, я заметил на стене висящий телефонный аппарат, один из тех, что из-за ненадобности давно покинули улицы городов. Так вот куда они все делись.

Мы дошли до конца коридора и свернули налево. Перед

нами возникла дверь. Инженер достал из кармана увесистую связку ключей и, сняв с нее один, отдал мне.

– Это что? Какая-то раздевалка?

– Сейчас это ваше жилье.

– А что, кроме меня, здесь никого не будет?

– Мы пришлем вам подсобника, сначала расположитесь, а как будете готовы, приступайте к работе. Все нужные материалы возьмете здесь, электрощитовая в середине коридора, если вы вдруг не заметили. Завтрак, обед и ужин по расписанию, оно у вас на двери. Столовая находится в последнем коридоре, прачечная там же, постирочный день в четверг. Если что-то нужно, вдоль коридоров висят телефонные аппараты и коды. Мой код 347, набираете, и я на проводе. Вроде бы все. Может, есть какие-то вопросы?

– Я так понимаю, что я здесь безвылазно? На улицу вообще не попаду? Где мне курить? Как ходить в магазин? Как я должен видаться с женой?

– Что вы заладили, ей-богу, мы же вас тут не в плену держим. Каждое воскресенье у вас законный выходной, мы будем вывозить вас в город. Лучше запасайтесь сигаретами сразу на всю неделю, как и всем остальным. Но у нас строго с алкоголем, сами понимаете. Курить можете где угодно, только окурки, пожалуйста, выкидывайте в урны, они тоже тут есть. Еще что-нибудь?

– Когда увижу деньги? – этот вопрос всегда приходит в голову первым.

– За первую смену, как и договорились, отдаем сразу. Если сработаемся, то оплата раз в неделю, перед выходным. В любом случае мы сначала посмотрим на качество вашей работы. Извините, мне нужно идти, дел выше крыши, а времени... – Он пошел к выходу и, обернувшись, сказал напоследок: – Если еще какие вопросы будут, звоните по коду.

Спина инженера скрылась за дверью, оставив меня в полном одиночестве.

Железная кровать с пружинами и «уставным» матрасом стояла в углу, в центре комнаты закрепился большой, неподъемный с виду стол, на нем уместились ламповый телевизор, электрочайник, микроволновка и посуда для одного человека. Еще из мебели здесь затесалась парочка угловатых табуретов и стеллаж с книгами и тетрадями. В общем, безвкусно, неудобно, но практично.

«Спасибо, хоть не в камере разместили».

Меня ужасно клонило в сон, работать прямо сейчас не представлялось возможным. Настенные часы показывали пять утра. «Совсем скоро проснется Алина. Черт, я забыл отправить ей координаты! Она даже не знает, где я и что со мной».

Я достал телефон и почему-то совсем не удивился тому, что на экране не было ни одной палочки сети. Лишь в одном углу получилось поймать ее, когда я походил по комнате.

«Лучше написать СМС».

«Родная, я согласился на работу, заработок хороший, ра-

бота в тепле, единственное плохо, что не в городе, поэтому придется жить на объекте, выходной только в воскресенье, надо потерпеть. Сеть не ловит, так что буду звонить, как получится. Люблю тебя». «Отправить».

«Так, теперь вздремнуть часик и начинать. Надеюсь, белье свежее».

* * *

Работа в принципе несложная. Я неплохо справился с первой камерой. «Конечно, бред полный – решетить все вокруг, включая стены, но какая мне в принципе разница, лишь бы платили».

Я так давно сидел без дела, что теперь моего энтузиазма хватило бы на целую бригаду. Я кайфовал, во-первых, оттого, что наконец отдохнул, а во-вторых, для меня работа руками в радость, особенно если она получается. Мне всегда казалось, что так лучше, чем сидеть увальнем в кресле и тыкать мышкой, заполняя всякие отчеты и составляя графики продаж.

Я погрузился с головой и не заметил, как прошло несколько часов. Казалось, во всей тюрьме нет ни души, тишина здесь была за старшего, разве что стены звонко отражали звуки моих инструментов, разнося их эхом по всему коридору, а когда я останавливался, чтобы передохнуть, замолкали и они.

«Ау! ауу-уу-у...» – мой голос словно засасывало в трубу.
«Э-хэ-хэй! Хэхей-хэй-ээй».

– Дзыыыынь-дзыыыыынь, – вдруг раздался звонок где-то позади меня. От испуга я подскочил и выронил из руки держатель электрода.

«Мать вашу, зачем так пугать!»

Пузатенький серый телефон на стене разрывался, с каждой секундой казалось, что звон становится все сильнее, он требовал внимания.

Я не спеша снял трубку и поднес ее к уху. Сквозь помехи и щелчки где-то вдалеке раздался голос:

– Обед, – и сразу же положили трубку.

Я не успел понять, был голос мужским или женским, прием просто отвратительный.

«Эти старые аппараты давно пора было переплавить на гвозди». Отложив весь инструмент в сторону, я направился туда, где, по словам Сергея Ивановича, находилась столовая.

Помещение было не намного больше моей комнаты. Стены выкрашены в тошнотно-зеленый цвет, в углу из стены торчала раковина, а рядом с ней – окно приема грязной посуды, которое было закрыто так, чтобы пролезал лишь поднос с тарелкой. Два больших металлических стола тянулись вдоль стен, и еще один стоял посередине. Под потолком поселилась колонка, из которой еле слышно пело радио. Играла какая-то старперская радиоволна вроде тех, что слушают пенсионеры, копаясь в огороде. Под радио висел еще один

телефонный аппарат.

«Веселое местечко. Здесь можно было бы снимать неплохие хорроры».

– Эй, есть кто? – Никто не ответил, из живых здесь, походу, был только паук, вивший свои узоры на музыкальной колонке, но общаться с ним мне сегодня не хотелось.

«Неужели я один работаю в целом крыле?»

На среднем столе стоял поднос с двумя тарелками, от которых тянулся обжигающий ароматный пар. Пахло рыбным супом и картофельным пюре, желудок резко начало сводить от голода, и я проглотил слюну.

Вполне сносная еда, если бы не хлеб, годившийся на сухари.

Тун-турун-туду-ту-дун – пришла СМС: «Извините, ваше сообщение не доставлено».

«Ну класс, и как я должен сообщить Алине, где я?! Она же жуткая паникерша, нужно будет срочно решить этот вопрос».

Прикончив обед и поставив поднос, я отправился обратно на свое рабочее место.

Наполненный желудок не позволял мне быстро идти, я пошарил по карманам в поисках сигарет, но потом вспомнил, что последнюю скурил перед тем, как ехать сюда.

До первой камеры, которую я закончил, оставалось метров пятьдесят, когда вдруг я заметил человеческий силуэт. Он стоял на месте и не двигался. Из-за плохого освещения

было не разобрать, кто там, но судя по росту, это был не инженер. Мне стало немного не по себе.

«Зэк? Да вряд ли».

Я специально начал шагать как можно громче, чтобы пришелец услышал меня и начал подавать какие-то признаки жизни, но он стоял по-прежнему на одном месте, словно статуя. Силуэт принадлежал мужчине, я понял это, когда до него оставалось шагов двадцать. Он стоял боком ко мне и молча смотрел внутрь камеры, которую я только что закончил. Человек был одет в робу, но не ту, что носят здесь зэки. Это была одежда обычного работника, вроде той, что мужики хранят у себя в гаражах. Засаленный камуфляжный китель в заплатках, брюки на подтяжках и стоптанные кирзовые сапоги. На нос опирались большие круглые окуляры, а половина лица обросла небрежной седой щетиной.

«Вылитый наш мастер из училища. Такой же самобытный и застрявший где-то глубоко внутри собственных мыслей; должно быть, тоже пьет не просыхая».

Я подошел уже так близко, что можно было бы вытянуть руку и коснуться его плеча.

– Кхе-кхе, день добрый.

– А? О, здрасьте. Виктор. – Мужчина протянул мне свою руку.

– Олег. Вы ко мне?

– Вы сварщик? Тогда да. Я слесарь, меня к вам на помощь отправили. – Он шепелявил из-за отсутствия передних зу-

бов.

– Здорово, я уж думал, от одиночества здесь с ума сойду...

– Ой, ерунда, привыкнете. Я поначалу тоже так думал, а сейчас уже по барабану...

– Ну, что скажете? – вопросительно посмотрел я в сторону камеры.

– А что тут скажешь, молодец, сделано все хорошо, а теперь я буду помогать, и будет еще лучше. – Прозвучало это почему-то не так позитивно, как должно было.

– Приступим?

Мы начали работать. Вдвоем и вправду пошло быстрее. Мужичок знал свое дело, и мне не приходилось тратить время на объяснения.

– Вить, можно же на «ты»? Перекурим?

Он согласно кивнул и отложил инструмент.

– А у тебя не будет сигаретки, а то закончились, – я показательно постучал по карманам.

Витя протянул мне пачку, я хотел было взять одну, но он жестом разрешил мне забрать все оставшиеся.

– Спасибо! А то я не подготовился...

– Бывает.

Мы начали пускать клубы едкого дыма, наслаждаясь его пагубным влиянием. Сделав пару затяжек, я решил, что пора начать прощупывать почву:

– А ты давно здесь?

– Двадцать четыре года.

– Что?! – Из моих легких вырвалась белая струя дыма и, поднявшись к потолку, превратилась в мутное облако. – Как двадцать четыре? Сколько тогда эта тюрьма уже строится?

– Черт его знает... Когда я сюда устроился, она была такой же огромной, как мне кажется. Я, честно говоря, не в курсе. Лет пятьдесят-сто.

– Ничего себе. То есть я столько лет живу и ни разу не слышал об этой тюрьме? Подожди-ка, а деревня?

– А что деревня?

– Почему она тогда заброшена? Люди же могли работать здесь, на стройке, зачем им было забрасывать свои дома?

Витя пожал плечами и затушил окурок о стену.

Докурив, мы начали работать, но я продолжал лезть с расспросами:

– А ты будешь жить со мной?

– Нет, я здесь только на подмогу, на мне еще три крыла висят.

– Три крыла? Когда же ты все успеваешь, ночью?

Он не ответил.

– Но почему тут больше никого, кроме меня?

– С этими вопросами не ко мне. – Похоже, он не особо желал болтать.

– Ну ладно, скажи хотя бы, как здесь с оплатой?

– Нормально все.

– Вовремя? Без обмана?

– Угу.

Я снова было открыл рот, но он решил не дожидаться и перебил меня на полуслове:

– Если выполняешь свою работу как надо и соблюдаешь все правила, то с оплатой проблем не будет. Вообще проблем не будет. Подай-ка мне вон ту железяку.

– А что за правила? – я подал Виктору металлический прут, а сам принялся варить.

– Ну те, что в договоре.

– В каком договоре?

– Ну договор подряда, который ты подписывал.

– Я ничего не подписывал. – Я продолжал варить и не заметил, как он отложил инструмент, поднялся с корточек и устоялся в мою сторону.

– То есть как не подписывал?!

Подняв маску, я увидел пялящиеся на меня сквозь толстые стекла глаза: два глубоких, иссушенных до основания колодца, в уголках которых залегли глубокие морщины.

Вите было на вид лет шестьдесят, но глаза старили его еще на пару десятилетий. Казалось, что вся жизнь была высосана из них до самого дна. Я смотрел и не мог оторваться, нелепое молчание затянулось.

– Олег, Олеженька, милый! – Он резко изменился в лице, кадык его нервно задергался.

Он сделал шаг навстречу, я – шаг назад. Казалось, что из осушенных колодцев проступила влага.

– Ты чего?!

Он продолжал наступать, руки постепенно потянулись кверху, по-видимому, собирался обнять, но я своим видом дал понять, что не стоит.

Тут он резко остановился, и лицо его помрачнело.

– Послушай меня. Я скажу один раз и очень тихо, а ты запомни. Пожалуйста, запомни, обещаешь?

Я молчал. Ситуация была очень дурацкая, мне хотелось, чтобы это скорее закончилось.

«Еще и напарника психованного подсунули».

– Обещаешь?! – уже более напористо продолжал Виктор.

Я кивнул.

Он начал шептать:

– Хорошо выполненная работа – не всегда хорошо; иногда тот, кто ее оценивает, оценивает всю твою жизнь. – Голос его дрожал, не отворачивая от меня взгляда, он кивнул в сторону камеры, которую я сделал до его прихода. Это был намек странный, совершенно непонятный. Мужик был встревожен, я чувствовал, что он искренен, но это ничего не меняло, я все равно не понял, что он имеет в виду, не хотел даже думать об этом. Продолжили молча.

Мы сделали еще одну камеру. Я варил, а Витя резал, зачищал швы, придерживал прутки. От непривычки спина уже начинала гудеть, как старый несмазанный механизм, да и неполноценный сон давал о себе знать. До ужина оставалось полчаса, когда я решил, что можно на сегодня заканчивать, нужно еще было собрать инструмент.

– Ну что, на сегодня хватит, я думаю?

– Да, пожалуй, достаточно, – согласился Витя и начал вытирать руки о засаленные штаны. – Ладно, я пойду, мне в другое крыло еще добираться, я там трубу с утра перекрывал, нужно было герметиком замазать, думаю, он уже высох.

Он ушел, а я начал собираться. Не знаю, что меня дернуло, но я решил пройтись, посмотреть все швы.

От вида проделанной работы глаза радовались, душа пела.

«Руки еще хоть куда».

«Так, а это что?!»

Витя так сильно отшлифовал один прут, что снял часть сварки; самое интересное, что это было сделано в таком неудобном и плохо заметном месте, что не сразу обратишь внимание. Все это выглядело немного подозрительно. Как будто он специально накосячил.

В голове сразу вспомнились слова инженера: «Мы будем проверять каждый прут».

«Так оставлять нельзя». Я взял в руки «держак» и быстро все исправил.

Раздался звонок. Уже знакомый голос в трубке сообщил, что ужин ждет меня. Через пять минут я сидел за столом.

«За весь день никакой связи с Алиной».

Это ужасно меня тревожило. Обычно, если я хотя бы на час задерживался где-то, телефон заполняется кучей СМС вроде: «Ты куда пропал?»

Если ответ не поступал, то дальше шло: «Ты живой?! Я

волнуюсь». Еще спустя некоторое время: «Я звонила твоей маме, она тоже не в курсе, где ты! Почему не берешь трубку? Почему ты так со мной поступаешь!»

И все в таком духе.

Мне срочно нужно было связаться с женой.

– Приятного аппетита, – раздался голос сзади.

От неожиданности я подскочил и ударился коленом о столешницу. Кусок хлеба попал не в то горло, вызвав кашель. Сергей Иванович принялся хлопать мне по спине.

– Извините, что напугал.

– Да уж, вы прекращайте так подкрадываться, можно приступ словить от таких появлений.

– Еще раз прошу прощения, вы закончили?

– Практически, а что случилось?

– Ничего, все в порядке. Мы проверили вашу работу.

– Уже?

– Да, мы не стали вас отвлекать; в общем, все хорошо, вы нам полностью подходите.

– Спасибо. – Я потянулся за чаем, чтобы успокоить горло.

– Нам нужно подписать договор на ваши услуги.

– А это обязательно?!

Мне невольно вспомнился Витя с его странным поведением.

– А что, есть какие-то проблемы?

– Ну-у, проблем нет, но я не вижу смысла в договорах, я пообщался с Виктором, он меня успокоил, сказал, что с

оплатой у вас все хорошо, без обмана.

– С Виктором, значит, пообщались. Угу, он еще что-то говорил?

– Нет, а должен был?!

– Нет, в принципе ничего. Нам нужен договор для отчетности. Понимаете, директор все привык делать по-правильному, официально. Нам нужно все провести по бухгалтерии, плюс вы должны расписаться в неразглашении, сами понимаете, тюрьма, заключенные, все очень серьезно.

«Вроде бы говорит разумные вещи, но почему мне так не по себе от этого договора?»

– Давайте так, вы оставите бумаги, я после ужина почи-таю, если все так, то с утра заберете подписанные.

– Как угодно. – Инженер положил на стол небольшую стопку плотно сложенных бумажек и направился к выходу.

– А как насчет расчета за сегодня?!

– Пардон, вот держите, – он протянул мне несколько купюр, – приятного вечера.

– И вам.

Я пересчитал, оказалось чуть больше, чем было обещано, я хотел догнать его, но потом подумал, что это неспроста.

«Подмазываются. Что ж, пускай, я не против».

Закончив с ужином и вернувшись в свою комнату, я попытался позвонить Алине, но дозвон, как назло, не шел; тогда я снова отправил СМС. Затем принял горячий душ и завалился на кровать. Немного помяв спиной дубовый матрас,

я погрузился в чтение условий договора. По телу растекалась приятная усталость, сон потихоньку начал снова подползать, наливая веки свинцовой тяжестью.

Пропустив вступление с описанием требований к работе, техникой безопасности и прочей типовой писаниной, я перешел к главному – к условиям:

– Подписав данный договор, подрядчик дает свое согласие и обязуется полностью выполнять требования тюрьмы номер 563.

– В случае невыполнения подрядчиком одного из правил руководство тюрьмы имеет право применять любые штрафные санкции по отношению к виновному.

«Что за санкции?»

– Правило 1: любая информация, прямо или косвенно касающаяся тюрьмы, – конфиденциальна. Правило номер один работает как вне тюрьмы, так и на ее территории.

– Правило 2: никто не имеет права распространяться о местонахождении исправительного учреждения.

– Правило 3: вся информация, полученная вами внутри тюрьмы, не должна быть известна никому, кроме вас и лица, допустившего вас к работам.

– Правило 4: никогда и ни при каких обстоятельствах вы не должны контактировать с заключенными.

– Правило 5: передвигаться по тюрьме, кроме мест проведения работ, без сопровождающего или разрешения руководителя работ – запрещено.

– Правило 6: запрещено употреблять спиртные напитки.

– Правило 7: запрещено разрывать договор в одностороннем порядке ранее указанного срока.

– Правило 8: ...

«Вот так да. В этом договоре правил больше, чем статей в уголовном кодексе. Хотя чему я удивляюсь? Режимное же предприятие. С другой стороны, что мешает их выполнять? Единственное, что меня смущает, – это сроки. Там, где они должны стоять, – пропуск. Ну и слова о том, что руководство тюрьмы может применять «любые санкции», звучит так, будто они прямо тут расправятся с тобой без суда и следствия. Вот почему все ходят проглотив языки».

Я отложил договор до утра, нужно было переспать с мыслями обо всем этом. Я выключил свет в комнате и заполз под теплое ватное одеяло. Не успел закрыть глаза, как сразу же провалился в мир снов. Усталость не дала мне и шанса на то, чтобы полежать, уставившись в потолок, и мысленно поплавать в глубоких каналах моего разума.

Дзы-ы-ы-нь... Дзы-ы-ы-нь... Из коридора доносились противные звуки телефона.

Я не сразу понял, что происходит, мне казалось, что звонит какой-то будильник.

«Блин, неужели уже утро?»

Чувство разбитости и неразгруженной до конца усталости говорило об обратном. Кое-как протерев глаза и немного раскидав по углам сон, я начал соображать. Достав из-под

подушки мобильный, я глянул на часы. Цифры показывали два часа ночи.

«Черт вас дери, мне вообще дадут поспать? Вторая ночь подряд...»

Дзы-ы-ы-нь... Дзы-ы-ы-нь... Я ждал, пока телефон не заткнется. Прошло около минуты, но, судя по всему, он не собирался успокаиваться. Зажав голову между матрасом и подушкой, я попытался расслабиться и снова уснуть, но ничего не выходило. В итоге сдавшись, я направился в коридор, откуда доносился этот мерзкий шум.

– Алло!

– Алло! Алло, Максим, Максим, – воспаленный нервами голос принадлежал мужчине, – Максим, хватит звонить матери, ты уже всех достал!

– Прости... те. – Я пытался говорить, но на другом конце провода меня перебивали:

– Ты что такой тупой! Мать не собирается тебя прощать, и я тем более! Больше никогда не звони, ты меня понял?!

– Вы ошиблись номером!

– Заткнись! – Он перешел на крик.

– Послушайте, вы ошиблись.

– Заткнись! Заткнись, урод! – орал на том конце неуравновешенный абонент, да так громко, что я оторвал трубку от уха и через секунду повесил ее. Наступила долгожданная тишина.

«Господи. Что это за хрень сейчас была?»

«Этот Максим явно наделал дел».

Я не хотел даже думать о том, что сейчас произошло, и как можно скорее вернулся обратно в кровать.

Сон уже не шел. Я пытался расслабиться и отпустить мысли, но голос мужика продолжал звучать внутри моей головы.

«Заткнись! Заткнись!» – вопил он, и я представлял, как все это выглядит на том конце провода. Со временем голос начал отдаляться, он становился тягучим, менялся в интонации, я наконец уснул и проспал уже до будильника.

* * *

Работа в помещении – это, конечно, хорошо, ни дождя тебе, ни ветра, ни палящего солнца. Здесь всегда плюс двадцать и без осадков. Все вокруг пропитано запахом сырого камня, по коридорам гуляет беспокойный сквозняк, а тюремные лампы освещают стены тяжелым фосфорным светом. Если не следить за временем, никогда не поймешь, который час, день, время года.

Мы с Виктором работали над четвертой камерой, когда к нам подошел инженер и попросил меня пройти с ним.

– Ну что, готовы подписать?

– Почти. Есть пара вопросов.

– Задавайте.

– Первое – касает ли штрафных санкций.

– Вас что-то не устраивает у нас?

– Да пока что все хорошо. Почему вы спрашиваете?

– Если все устраивает, зачем вам нарушать наши правила; может, стоит задуматься о том, чтобы отказаться от работы, пока не поздно?

– Да не хочу я отказываться, просто интересуюсь...

– Поймите, у нас здесь все очень, очень серьезно и отлажено. Одна глупейшая, казалось бы, ерунда может спровоцировать ряд всяких проблем. Мы придумали правила не по причине того, что нам так захотелось. Здесь так надежно и спокойно лишь потому, что когда-то кто-то допустил те или иные ошибки, а на их почве уже зародились определенные нормы. Всем нам будет лучше, если мы будем просто следовать инструкциям, вот и все.

– Понял и согласен с вами.

– Что еще?

– В договоре не указаны сроки.

– А вы сколько собираетесь у нас пробывать?

– Я, честно говоря, думал о месяце.

– Месяц? – Он остановился. – Ну, знаете, это не разговор, вы же видите, сколько тут работы, а что вы успеете сделать за месяц?

– Ну просто, понимаете, я не привык так, вдали от жены, от людей, да еще и не разговаривать ни с кем целыми днями, с ума сойдешь!

– Мы не запрещаем вам общение. Вы можете говорить со мной, можете говорить с Виктором. Просто с Виктором нуж-

но придерживаться правил конфиденциальности; например, этот разговор, как и любой другой, должен полностью оставаться... — он несколько раз показал пальцем на меня и на себя.

Мы прошли несколько камер молча; должно быть, эти паузы давались мне, чтобы переваривать услышанное, проникнуться сладкими перспективами, затем он снова заговорил:

— Я, возможно, ошибаюсь, но, по-моему, вы сюда приехали посреди ночи явно не потому, что у вас все в порядке.

«К чему это ты клонишь?»

— Ну заработаете вы за месяц, а дальше что?

— Буду искать другую работу, в городе.

— И много заказов у вас обычно с таким стабильным и, как мне кажется, неплохим заработком?

Я молчал. Мы шли и шли по коридору, затем свернули в другой, а потом и в третий.

— Пока мы с вами прогуливаемся, вы прикинули, сколько здесь камер без решеток?

— Не считал...

— В любом случае вы сами понимаете, какой здесь большой объем. А если вы подпишете с нами договор, ну-у-у, скажем, для начала на восемь месяцев... — Я взглянул на него с видом: «Восемь месяцев, ты серьезно?»

Он продолжал:

— ...То я могу вам дать слово, что выпрошу для вас повышение зарплаты уже через месяц! Как вам такой расклад?

«Вот ведь хитрожопый какой, знает, на что жать, как крутить».

Я промолчал; не стоит давать ему повод быть уверенным в собственных словах о моей безысходности. Я мог отрицать сколько угодно, но на самом деле был готов на любые условия ради хоть каких-то денег.

– У вас тут сеть не ловит, я жене даже позвонить не могу.

– Любой из служебных аппаратов, висящих в коридорах, может дозвониться в город. Наберите 336, затем номер и звездочка и сможете позвонить.

– А принимать звонки смогу?

– Принимать, к сожалению, не получится, номера тюрьмы высвечиваются как неопределенные.

– Но ночью звонил какой-то мужчина!

– Да? Странно, и что хотел?

– Понятия не имею, по ходу, ошиблись номером.

– А, ну так это бывает! К каждому аппарату привязан номер, просто он не высвечивается, но если подобрать верный код, то, конечно, можно дозвониться. У нас такое случается периодически. Люди просто путают цифры и случайно попадают к нам.

– Ясно. – Увлечшись беседой, я не заметил, как мы вернулись обратно к моей комнате.

Инженер достал из нагрудного кармана шариковую ручку и протянул ее мне. Я решил еще раз, прежде чем будет слишком поздно, напоследок перечитать договор, вдруг глаз

зацепится за что-нибудь.

«Почему Витя тогда так отреагировал на мои слова о том, что я до сих пор ничего не подписывал?»

В графе «сроки работ» мы прописали восемь месяцев. Нигде не было указано моих паспортных данных или прописки; по сути, договор не имел силы, я подумал: «Почему бы тогда не подписаться чужим именем?» Так я и сделал.

– Вот и славно! Копию оставляю у вас. Ну не будем терять время, работа не ждет. Я, с вашего позволения, удаляюсь.

Пока я отсутствовал, Витя наделал целую кучу заготовок, и я быстро включился в работу.

– Я подписал договор, – ехидная улыбка невольно растянулась на моем лице.

Думаю, я сказал это, чтобы позлить своего напарника, который в прошлый раз чуть не подставил меня. Виктор молчал.

«Должно быть, он сильно расстроен тем, что меня взяли; наверняка грел это место для кого-то из своих».

Мы продолжили молча.

Когда Витя придерживал пруток, я случайно заметил, что у него на обеих руках отсутствуют безымянные пальцы.

«Почему я не заметил это в прошлый раз?»

Пальцы были обрублены под самый корень, такое я видел первый раз в жизни.

– Давно у тебя пальцев нет?

– Что?

– Я говорю, что с пальцами?

– Отрезал болгаркой.

– Болгаркой?!

– Да. – Голос у него раздраженно вибрировал. Виктор явно не желал общения.

«С вопросами к нему сегодня лучше не лезть».

До самого обеда мы проработали в тишине.

Сегодня мы обедали вместе с Виктором; он сел напротив меня и, уставившись в тарелку, начал хлебать горячий суп. Он ел очень быстро, явно не пережевывая, а как только закончил, сдал грязную посуду и ушел прочь. Он вел себя чересчур раздраженно, это немного выводило меня из себя, но я старался не обращать внимания. После обеда я решил позвонить Алине, она наверняка очень волнуется. Я подошел к одному из аппаратов и, сняв трубку, начал нажимать пальцами клавиши с затертыми от времени цифрами. Спустя полминуты гудков наконец послышался родной голос:

– Алло, – в этих дурацких телефонах одни помехи.

– Привет, родная, это я.

– А, привет, как дела? Куда ты пропал? Почему номер не отображается? – Из-за шипения ее голос звучал так же монотонно и неразборчиво, как тот, что постоянно напоминает мне о приеме пищи.

– Все хорошо, здесь сеть не ловит, дозвониться можно только со стационарного телефона, и они не определяются. Ты-то как? Соскучилась?

– Я нормально.

– Я подписал договор на восемь месяцев. – Ну все, сейчас она мне закатит истерику.

– Хорошо.

«Что? Хорошо?»

– Ты даже ничего не скажешь?

– А что мне нужно сказать?

– Ну хотя бы спросила бы меня, почему я решил здесь остаться, поинтересовалась бы, чем я занимаюсь! В конце концов, тебе вообще плевать, что ли?! – я взорвался.

Это не было похоже на наше обычное общение, с ней явно что-то не так.

– Ты хочешь со мной поругаться?

– Нет, не хочу, я хочу... Я просто не понимаю, почему ты так странно реагируешь?

– Как мне нужно реагировать? Ты нашел работу, я рада, что у нас наконец будут деньги.

– Деньги? Деньги?! Это все, что тебя волнует?

– Нет, не все. Позвони, когда будешь поспокойнее.

Гудки.

«Как же ты...»

Она никогда раньше не бросала трубку.

* * *

Дни играючи передавали эстафету друг другу, но я заме-

чал лишь, как меняются цифры в телефоне. Алине я больше не звонил. Внутри меня, где-то в области груди, поселилась обида, она была такая увесистая и прилипчивая, что никак не хотела уходить.

«Думаю, пару дней без общения приведут ее в чувство».

Я понимал, что веду себя как сопливый подросток, но ничего не мог с собой поделать. Это сильно давило на меня, ведь я ужасно скучал без ее голоса; думаю, она тоже. «Надеюсь, в выходной, когда я приеду домой, все вернется на прежние места».

С Виктором мы работали не покладая рук, камера за камерой. С тех самых пор, как я подписал договор, мы практически не общались. На мои попытки заговорить с ним он лишь огрызался или делал вид, что не замечает меня, и начинал шуметь инструментом.

В последний день перед выходным, когда мы добивали двенадцатую камеру, зазвонил телефон. Я посмотрел на часы и, убедившись, что до ужина оставалось еще минимум два часа, продолжил работу. Витя не последовал моему примеру и, как обычно, вытерев руки о штаны, направился напрямиком к аппарату.

– Да, – сказал он, сняв трубку.

– Когда? Нет, еще не закончили, понял, хорошо. – Разговор был коротким; кажется, он получал какие-то распоряжения.

Я доваривал последний прут, когда он подошел ко мне.

– Нужно съездить в северное крыло, там труба лопнула, ты ведь умеешь варить трубы?

Я утвердительно кивнул.

– За тобой пришлют сопровождающего, а я съезжу за ключами, возьму и сразу к тебе, без них там воду не перекрыть.

– Ладно. – Я отвернулся и принялся доделывать работу.

Витя собрал свой инструмент и, водрузив на плечи рабочий рюкзак, отправился к платформе. Послышалось лязгание железа, стук колес, было слышно, как вагонетка тронулась и исчезла в тоннеле. Я закончил, проверил работу на качество и принялся сворачивать аппарат. Пока наматывал кабель, вдалеке слышался звук приближающегося состава. Через полминуты новая вагонетка афишировала свое прибытие противным скрипом тормозов. Я достал из кармана пачку сигарет, Витя поделился со мной своими запасами, разумеется, с условием возврата. Достав одну и раскурив, я облокотился на только что сваренную решетку и принялся ждать, когда за мной придут. Но никто не шел. Я тянул сигарету до тех пор, пока в легкие не просочился горький дым тлеющего фильтра, и только после этого направился в сторону железной дороги.

На платформе меня покорно ожидал вагончик с сидящим впереди лысым человеком в угольно-черном костюме тюремного охранника. Он уставился вперед, в беспросветную пустоту тоннеля, поэтому я видел лишь его затылок.

– Здравсьте, вы за мной?

Он не проронил ни слова — должно быть, здесь за молчание доплачивают. Человек нажал несколько цифр, и поручни с шипением поднялись вверх. Пытаться задавать еще вопросы смысла явно не было; я уселся на ближайшее ко мне протертое сиденье. Поручни опустились, и наш состав начал набирать скорость, приближаясь к тоннелю.

Мысленно я уже находился дома. Прокручивал в голове, какой будет встреча с женой. Я тысячу раз пожалел о том, что повысил на нее голос, и уже готовил извинительную речь. Ехали долго, за всю поездку лысая голова ни разу не повернулась, иногда мне казалось, что его подменили на манекен, жуть, конечно, полная. Путь извивался, мы то и дело пересекали функционирующие секторы с неисчислимым количеством камер. Я поражался размаху этого строения, ему не было конца и края. Немного погодя мы наконец свернули в крыло, которое, судя по всему, только недавно построили. Отверстия в стенах демонстрировали пустые камеры без решеток.

«Вот черт, да тут на всю жизнь работы одному человеку; надеюсь, они не думают, что я собираюсь этим заниматься. В конце концов, должны же быть еще люди...» Но пока я был знаком только с Витей.

Наконец мы въехали в технический тоннель, и вагонетка заметно сбавила скорость. Вдоль стен тянулись жирные черные шланги с проводами внутри. Повсюду торчали кривые трубы, краны и задвижки с ускользающим из них го-

рячим паром. Из разных уголков доносились глухие стуки, шипение и дребезжание. Мы остановились. Поручни поплыли кверху, а вместе с ними поднялся и лысый манекен. Он ступил на узкую бетонную дорожку, тянущуюся вдоль всего тоннеля, и подошел к выпирающей из стены круглой задвижке. Повернув ее, он жестом предложил мне пройти внутрь, а сам вернулся в вагонетку. Я не стал ждать особого приглашения и, схватив инструмент, подошел к двери с надписью «Бойлерная». Дверь легко поддалась, и я зашел внутрь.

Сразу на входе вниз уходила пологая лестница, у основания которой уже виднелся небольшой слой воды. Лампы на потолке освещали помещение тусклым желтым светом, создавалось ощущение, что я внутри старой фотографии. Почти все пространство занимали солидных размеров пузатые бойлеры, соединенные между собой трубами. В воздухе висел типичный для таких мест запах сырости, тепла и ржавчины.

Уровень воды медленно поднимался, где-то неподалеку журчало.

«Где, блин, Витя со своими ключами?»

Я спустился по лестнице и сделал шаг, подошва моих ботинок моментально оказалась в воде, но мне повезло, что она была резиновой и довольно толстой, поэтому ноги оставались сухими. Я начал аккуратно продвигаться вперед, вода глазами по округе в поисках причины потопа. Покрытые солидным слоем пыли манометры, задвижки, змеевидные

трубы отбрасывали затейливые густые тени. Лампы освещали только половину помещения, остальная его часть покоилась под темной вуалью, позволяющей рассмотреть лишь его мрачные очертания.

Я провел визуальный осмотр всего, чего касались электрические лучи, но не нашел течи. Переступив световой порог, я начал погружаться в темноту.

«Дебильный телефон, почему я купил именно тот, в котором нет фонарика?»

Вся эта ситуация казалась мне очень глупой, хотелось спросить кого-нибудь: «Что я здесь делаю?» Но это было лишним, никто же не ответит...

Звук становился громче, текло где-то у стены, за стоящими вплотную друг к другу бойлерами. Я начал протискиваться между ними, стараясь не коснуться горячих труб. Шум воды постепенно усиливался, как и ее поток, ботинки все-таки промокли, и внутри них начало хлюпать, еще чуть-чуть – и я погружусь в воду по лодыжки.

«Варить теперь будет одно удовольствие».

Проход сужался, сварочник приходилось опускать ниже к воде, чтобы он мог пролезть между стенками этих необъятных бочек. Я уже почти добрался до нужного места, как вдруг споткнулся обо что-то и начал падать, машинально ухватившись за трубу; я не сразу понял, что по ней идет горячий пар. Боль была адской, резкой, она молнией распространилась по всему телу, словно заряд электричества, забо-

лело даже в висках.

– А-а-а, твою же мать! А-а-а, чтоб тебя, сраная труба, сраная тюрьма, всех вас в жопу!

Кожа моментально покраснела и начала вздуться пузырями, из глаз потекли слезы.

«Все, на сегодня хватит!»

Я развернулся и уже собирался идти обратно.

– Хыр-хыр-хыр-хы, – раздалось откуда-то вдруг.

Я остановился и прислушался, но звук пропал, пока я снова не взглянул на свою ошпаренную руку.

– Хыр-хыр-хыр-хы-хара-ра-ра-рар, – это был какой-то хрюкающий смех, напоминающий лай гиен, про которых я недавно смотрел передачу по каналу Discovery.

Звук не прекращался, он доносился из-под бойлера, где, судя по всему, и была течь. Там явно кто-то был. Я быстро начал стрелять глазами по сторонам в поисках того, что могло бы помочь мне защититься от неизвестного, но ничего не попадалось. Между тем жуткий смех не прекращался; кажется, тот, кто его издавал, чувствовал мой страх и издевательски продолжал.

– Кто здесь?! – начал я кричать на бочку. Но бочка не ответила мне.

– Смешно тебе?! – Я старался не дрожать голосом, но получалось у меня так себе.

– Э-хы-хы-хыр-хыр, – это не прекращалось, пока я не начал приближаться.

– Слышь, ты чего ржешь-то? Смешно, когда кому-то больно? Вылазь тогда, вместе посмеемся!

Страх полностью овладел мной, но показывать этого не стоило; я старался пересилить себя, даже забыл о больной руке и о сырых ногах. Этот смех или то, что было похоже на смех, раздавался из темноты; больше всего я боялся, что вот-вот гиена выпрыгнет и вцепится зубами в мое горло. Неподалеку из стены торчала арматура; потянув за нее, я смог вытащить весь прут, но он оказался совсем небольшим. Пальцы сжали холодный металл так сильно, что он начал резать кожу. Я медленно приближался туда, откуда шел звук.

– Эй, ты, урод, я тебе сейчас башку проломлю, а ну вылазь!

Я подошел к бойлеру и, нервно сглотнув, начал нагибаться, чтобы посмотреть, что же там.

– Хыр-хыр-хыр-хыыыrrrrrr, – смех пропал, теперь звук больше напоминал злое рычание.

Все тело судорожно потрясывало, рука горела, я был наготове, смотрел прямо перед собой, как вдруг вдалеке неожиданно хлопнула железная дверь. Я рефлексивно повернул голову в ту сторону, но через полсекунды вернул взгляд обратно, где передо мной из ниоткуда возникло лицо. Оно было так близко, что мы практически касались носами. Бледная, словно бескровная кожа смердела какими-то разложениями и болотиной. Глубокие вертикальные шрамы в виде толстых полос тянулись от того места, где должны были быть брови, и

заканчивались на подбородке. Зрачки отсутствовали в опустошенных белых, как туман, глазницах; по сравнению с ними безжизненные колодцы Виктора – зеницы младенца. Лицо не шевелилось, ни одной судороги или вздувающихся от вдоха ноздрей. Это было так мерзко, что я хотел отвернуть взгляд, но боялся сделать это.

Лицо мгновенно отстранилось назад. Передо мной стоял лысый мужчина непонятно какого возраста, раздетый по пояс. Он резко поднял ладони, практически ткнув ими мне в лицо. На них шрамы были еще глубже, словно их выжгли раскаленными прутьями.

Неподалеку раздался голос Вити:

– Ты тут?! Олег! Эй!

Я не отворачивал взгляда, лицо человека исказилось в неестественной гримасе, а через секунду этот тип растаял в воздухе, словно никогда здесь и не стоял. Оцепенев от ужаса, я не мог пошевелиться. Не моргал, не дышал, не отвечал Вите.

– А-у-у, Олег!

Я слышал, как Витя перекрывает воду. Закончив, он начал пробираться ко мне, освещая себе путь фонариком.

– Эй, ты чего тут торчишь? – Он тронул мое плечо, и я отпрыгнул в сторону, замахнувшись прутом.

– Э, а ну, брось! С ума сошел?! – Витя выставил вперед себя рожковый ключ и начал светить мне в лицо фонарем.

Я шурился, оцепенение потихоньку отпускало.

– Что случилось-то? Епрст, что у тебя с лицом?

– Я, я... – Рот отказывался говорить что-то внятное; все, что я смог – это указать пальцем в сторону бойлера, откуда недавно доносился смех.

– Что? Что там? – Витя посветил сначала туда, куда я указывал, а потом снова на меня. – Ну и? Я ничего не вижу.

Я глубоко вдохнул, а затем тяжело выдохнул, ноги вдруг стали ватными и начали подгибаться. Витя подскочил ко мне и, подхватив под руки, помог дойти до бетонного выступа, на который я устало рухнул.

– Еще раз спрашиваю: что произошло?!

Я начал гладить себя по голове.

– Лысый, без волос, тут был, – я снова ткнул пальцем туда, где недавно стоял человек.

– Так, лысый, и где он?

– Исчез.

Я снова вздохнул и, собравшись с силами, рассказал Вите, что видел. Тот внимательно выслушал меня.

– Лысый, значит, такой же лысый, как охранник, который привез тебя сюда?

– Ну наверно.

– И оттуда раздавался странный смех? – Витя направил луч фонаря на бойлер. Я утвердительно кивнул.

Он подошел к этому месту и нагнулся, чтобы посмотреть.

– Это насос.

– Какой еще, к черту, насос?! – Я понял, к чему он клонит.

– Обычный водяной насос, он помогает качать воду в бойлер, вот, смотри сам!

Я подошел ближе и, нагнувшись, увидел старый, проржавевший насос, стоявший именно там, откуда исходил тот самый звук.

– Почему тогда он сейчас не издает тех звуков?!

Витя показательно развернулся и направился туда, откуда недавно пришел. Через некоторое время он открыл воду, и я услышал, как насос запустился, он начал дребезжать и похрюкивать.

– Хочешь сказать, я все это придумал?! – Волна обиды резко окатила меня с ног до головы. Хотелось дать Вите по лицу.

– Хочу сказать, у тебя ожог второй степени и все вытекающие отсюда последствия. – Он отвечал спокойно, несмотря на мое возбужденное поведение.

– Иди ты к черту, понял?! – Я был в ярости.

Встав с выступа и взяв в руки аппарат, я двинулся вперед.

– Эй! Куда собрался?!

– Я сваливаю отсюда.

– Куда ты сваливаешь? Ты же подписал договор, забыл?

Я не слушал его и начал пробираться к выходу. Но тут Витя вцепился мне в предплечье.

– Стой, идиот! Вот, видишь это? – Он сунул мне в лицо свою руку, указывая на отсутствующий безымянный палец. – Это самое меньшее, что может с тобой случиться за непослу-

шание после подписи договора. Я за все время работы здесь ни разу не нарушал правила, а пришел ты, и я сразу остался без двух пальцев.

– Отвали, псих! – отдернул я руку.

– Псих?! Я – псих?! Да пошел ты! – Витя громко харкнул в сторону и направился снова перекрывать воду.

Я почти дошел до выхода, когда злость начала уже отпустить.

«В конце концов, Витя не сделал мне ничего плохого. Может, и правда показалось, темнота, рука, насос. Но я ведь точно знаю, что видел!»

Окончательно успокоившись, я начал пробираться обратно. Рука безнадежно изнывала, требуя скорейшего медицинского вмешательства. На сырые ботинки я уже не обращал внимания и спокойно хлюпал к месту ремонта.

Витя стоял около того места, где прорвало трубу, и зачищал его металлической щеткой.

– Извини, я не прав, – еле слышно пробубнил я. Витя будто не обращал на меня внимания.

– Эй, слышишь, говорю, извини.

– Левой варить сможешь? – спросил он, продолжая скрывать железо.

– Да, да, конечно, без проблем.

Я подключил аппарат к удлинителю, который Витя мне уже подготовил, и принялся за работу.

Мы достаточно быстро справились с трубой, и уже через

пятнадцать минут инструмент был погружен в вагонетку, где все это время сидел лысый охранник, даже не изменив позу. Витя приехал сюда на другой вагонетке, но ее, видимо, отослали обратно.

– Давай сюда руку, – скомандовал он.

Я посмотрел на него недоверчивым взглядом, но Витя настойчиво требовал повиноваться.

Он достал откуда-то из внутреннего кармана тюбик с кремом и нанес приятный холодный гель на ожог.

– А мне разве не надо в лазарет? – Такие методы лечения меня не очень вдохновляли. Затем он достал упаковку бинтов и аккуратно перебинтовал кисть, затянув крепкий узел на тыльной стороне ладони.

– К утру будет как новая, – после этих слов Витя залез в вагонетку.

«Что ж ты себе палец-то отсутствующий не намазал? – подумал я про себя, но вслух говорить все же не рискнул. – Завтра половину выходного придется потратить на поход к врачу».

Когда мы приехали обратно, разложили инструмент и я наконец присел, то сразу же почувствовал себя ужасно измотанным. Тело ломило, рука от кисти до локтя горела от боли, перед глазами то и дело мелькало жуткое лицо. Неужели такое может привидеться? Я четко помню эти шрамы, запахи, хотя болотной гнилью тут тянет изо всех щелей.

После ужина в мою комнату зашел Сергей Иванович и

вручил конверт. Я открыл его, нос моментально защекотал запах купюр.

– Я слышал, вы руку повредили?

Я показал ему перебинтованную кисть.

– Скажите, я, может, чего-то не понимаю, но неужели во всей тюрьме нет больше ни одного сварщика, кроме меня? – Я надеялся, что раздражение в моем голосе даст четкое понимание того, что я не нанимался здесь на роль мальчика на побегушках.

Сергей Иванович взял стул и присел неподалеку. Он устремил взгляд к потолку, будто что-то очень внимательно рассматривал там.

– Вы же в курсе, в какое время мне пришлось за вами приехать? Людей сейчас ничем не замотивировать: ни зарплатой, ни стабильностью, – он сделал задумчивую паузу, как будто наконец нашел на потолке то, что искал, – им на все плевать, на все. Они не хотят считаться с нашими правилами. Пьют, болтают лишнее, не выполняют или некачественно выполняют указания, – он повернулся ко мне и посмотрел прямо в глаза, – но вы-то, вы же разумный человек, профессионал, видно, как подходите к делу, даже вон собой жертвуете, – он как-то хитро оскалился, отчего у меня мурашки пошли по телу. – Конечно, мы не собираемся вас гонять по всей тюрьме с поручениями. Как только найдем еще достойных людей, вас больше беспокоить по пустякам не будем.

Он встал со стула и направился к выходу.

– Завтра с утра за вами придет сопровождающий и ответит в город. Запаситесь всем необходимым и отдохните как следует, чтобы с понедельника с новыми силами, так сказать, в бой. – Он махнул кулаком, отбив неслышимый такт. – В конверте, кстати, компенсация за сегодняшнюю травму, доброй ночи. – Он ушел.

Я открыл конверт и принялся пересчитывать. Деньги приятно шуршали в руках. Их вид, должно быть, способен растопить любое сердце и простить любые неприятные нюансы. Он не обманул, заплатил за эту неделю и бонус за ожог. Я был удивлен щедрой суммой, обычно столько я зарабатывал за месяц. Может, еще раз обжечься?

Боль в руке утихла, я даже начал забывать о ней, предвкушая завтрашний выходной.

«Теперь все будет хорошо, все наконец наладится. – Я лежал на спине с закрытыми глазами и мысленно тратил выручку. – Все-таки мне повезло, хрен с ней, с рукой, и с этой трубой, в конце концов, я же не по клавиатуре щелкаю, такое случается».

С этими мыслями я постепенно уснул и проспал до самого утра.

Разбудил меня звук трезвонившего в коридоре телефона. Часы на телефоне показывали семь утра.

Я не спешил, вразвалочку добрал до телефона и, сняв трубку, прозевал в нее:

– Алло.

– Через пятнадцать минут за вами придет сопровождающий, будьте готовы. – Трубку положили.

Зевота не отступала, сознание все еще блуждало по бархатистым закоулкам недавно оборванных сновидений, нехотя растворявшихся в угрюмой реальности.

Я потер глаза и вдруг вспомнил, что моя рука перебинтована. Странно, но боль совсем не ощущалась; надавив на место ожога, я ничего не почувствовал. Тогда я начал разматывать бинт, и как я удивился, когда, сняв последний моток, не обнаружил следов ожога, лишь слегка розоватое пятно, напоминавшее о нем.

Это было невероятно. В моей профессии ожоги – частое явление, обычно на их лечение уходит немало времени, а тут все прошло за ночь. Я крутил рукой, пораженный эффективностью странной мази.

«Вот это, блин, чудеса. Надо раздобыть у Вити пару таких тюбиков».

Я почти дошел до своей комнаты, как вдруг телефон снова зазвонил. Я посмотрел в его сторону, надеясь, что абонент на том конце провода все-таки успокоится. Но этого не случилось.

Я подошел и, сняв трубку, решил немного понаглеть:

– У меня вы-ход-ной! – но мне не ответили. Лишь странные звуки доносились из динамика. Я вслушался, но бесконечные помехи мешали мне разобрать хоть что-то.

– Алло, алло, что вы молчите! Я вас слушаю! – Я уже хо-

тел положить трубку, но тут звуки стали чуть сильнее и разборчивей, кажется, кто-то плакал. Я слышал тяжелое прерывистое дыхание и всхлипы, сопливый нос то и дело шмыгал.

– Вы, наверное, номером ошиблись, я кладу трубку...

– Нет! Папа, пожалуйста, не уходи, – голос принадлежал маленькой девочке. Она так горько плакала, что сердце екнуло.

– Эй, эй, погоди, не плачь. – Я начал успокаивать девочку, хотя от моих слов было мало толку, она меня не слушала.

– Папа, пожалуйста, – жевала она слова сквозь слезы.

– Послушай, – я старался говорить как можно мягче, – я не твой папа, ты неправильно набрала номер. – В ответ хныканье начало набирать обороты.

– Почему ты ушел? Почему ты бросил нас с мамой? Это все из-за того, что я уронила твой телефон в унитаз? Прости, прости меня, пожалуйста, хочешь, хочешь, забери мой телефон! Забери планшет, телевизор! Забери все, что хочешь, только, пожалуйста, вернись! **ВЕРНИСЬ!** – Девочка уже не плакала, она рыдала.

Я почему-то чувствовал себя козлом; я не был отцом этой девочки, но я ощущал вину за всех мужчин на земле.

«За что мы так поступаем с бедными детьми? Почему бросаем их?! Так не должно быть, дети не должны звонить своим родителям и умолять их вернуться домой».

Я понимал, что звонок нужно сбрасывать, но перед тем, как повесить трубку, я услышал последние доносившиеся из

динамика слова девочки. И только после того, как звонок был сброшен, я понял, что она сказала:

– Зачем ты умер!

Внутри меня все сжалось. Словно вросший в бетонный пол, я стоял, не шевелясь, слезы скопились в уголках глаз и начали стекать по щекам.

«Зачем ты умер!»

Еще и еще, эта фраза кружилась вихрем в голове.

«Как же так, куда она звонила? Просто так? Наобум набрала номер? Или отец действительно сбежал от них и, переехав в другую квартиру, обзавелся телефоном, а потом уже и из живых ушел?! Какой кошмар. Это просто жуть».

Погрузившись в тяжелые раздумья, я не заметил, как прошло мое время на сборы и за мной приехал сопровождающий.

– Вы готовы? – спросил меня роботоподобным голосом лысый охранник.

«На этот раз за мной соизволили прийти?»

Это был не тот тип, что приезжал вчера; правда, я понял это только по форме черепа. Все остальное было один в один: костюм, телосложение, бледная, цвета извести кожа. Эти ребята напоминали агентов из «Матрицы», только бюджетной версии. Абсолютно деревянное лицо с полностью отсутствующим взглядом и минимальным набором каких-либо эмоций. По ходу, они редко покидают здешние стены, так как всю их внешность можно сравнить с видом местных камер:

строгие, угловатые, холодные и совершенно бездушные. От него пахло уставом.

– Еще пять минут, – с этими словами я направился в комнату. Неаккуратно запихнув все необходимое в сумку, я выключил свет и двинулся к вагонетке.

«Наконец хоть посмотрю на тюрьму в дневном свете».

Девочка из телефона постепенно умолкала в моей голове, и я снова начал настраиваться на позитивный лад, так как скоро увижу Алину; я так сильно скучал по ней.

Я уже начал привыкать к этим передвижениям по железной дороге, мне даже показалось, что до первого крыла добрались в два раза быстрее, чем в прошлый раз.

Часы на телефоне показывали без пятнадцати восемь, когда перед нами возник лабиринт, ведущий к выходу. Дойдя до первой развилки, мы почему-то свернули направо, хотя я отчетливо помню, что пришли мы сюда с левой стороны. Но я не стал никак реагировать, наблюдая за тем, куда дальше поведет нас дорога. На стене появилась первая цифра 17, это насторожило меня еще больше, потому как такие цифры нам и вовсе не попадались ранее. По всему телу пробежался холодок волнений.

– Я извиняюсь, а мы точно идем к выходу? – обратился я к спине, идущей впереди.

Но охранник словно меня не слышал.

– Эй, друг, не делай вид, что ты не слышал! – Терпеть не могу, когда меня игнорируют, тем более в таких ситуациях.

Но он даже ухом не повел в ответ на мои обращения. Мы продвигались дальше, поворот за поворотом. Все вокруг – стены, лампы на них, – все это выглядело точно так же, как в прошлый раз, но с небольшими различиями.

«Кажется, меня куда-то увозят, но куда?»

Тут мы вышли на тройную развилку, которая показалась мне знакомой, и уже через несколько шагов я увидел на стене цифру 3.

Протяжно выдохнув, я наконец успокоился.

Эти катакомбы с ума меня сведут; я был уверен, что правильный проход только один, а может, все это фигня и нет никаких лабиринтов? Так, всего лишь способ запугать?

Снова я стоял перед этой странной дверью с непонятными словами и символами. Мне было очень любопытно, что это за текст и на каком языке написан, но я понимал, что спрашивать смысл нарисованного у этого «зомби» бесполезно.

«В этой тюрьме никто тебе ничего не расскажет, такие уж у них чертовы правила».

Охранник ввел код, дверь отворилась, и моему взору предстала стена из тумана.

«Эта что, шутка?»

Мы нырнули в густую массу, прошли пару шагов, и туман словно закрыл за нами занавес, потому как дверь я уже не видел. Несмотря на то что на улице было самое начало дня, видимость была еще отвратнее, чем в ту ночь, когда я пришел сюда. Я практически наступал охраннику на пятки, бо-

ясь отстать даже на метр.

Судя по звукам, стройка шла полным ходом, но масштабы ее определить по-прежнему было невозможно.

Мы двигались, не останавливаясь; я даже не заметил, как дорога провела нас через лес, спустя немного времени показался купол старой церкви. Чем больше мы отдалялись от тюрьмы, тем теплее становилось вокруг. Пройдя поле и выйдя на проселочную дорогу, я увидел черный автомобиль, дремавший в истомном ожидании. Сопровождающий меня охранник проследил за тем, как я сел в авто, и только после того, как двигатель зажужжал, растворился в белой массе.

И снова запах хвои, кожи и дорогого табака, снова угрюмый, неразговорчивый тип впереди, но мне было плевать, я ехал домой.

Машина тронулась с места и медленно поскакала по кочкам, потихоньку убивая подвеску.

Не знаю, как водитель определял, куда ехать; лично я не видел ничего, словно мы плыли по бескрайнему морю, а у него был компас. Постепенно дорога стала ровней, через минуту мы свернули на асфальт, и туман исчез. Это было так резко и неожиданно, будто мы вынырнули из мутной воды, и все вокруг обрело четкие грани и очертания.

Мы отдалялись от поля, а густая шапка тумана, словно магнитом, удерживалась над ним, не выходя за невидимый барьер, скрывая его. Воздух в автомобиле резко начал тягаться. Кажется, за окном настоящая духотища, она посте-

пенно заполняла салон, пока водитель не включил кондиционер. Я хотел попросить его этого не делать – скопившийся за время ходьбы холод по-прежнему жил внутри меня, словно тюрьма со своей сыростью добралась до самых костей, – но решил, что потерплю.

Завидев первые признаки цивилизации, я, как ребенок, начал вертеть головой по сторонам, радуясь машинам, людям, миру, полному цветов и красок.

Добрались быстро, в воскресенье утром дороги и улицы обычно пустые, но мне казалось, все иначе, сказывалось одиночество. Водитель припарковался на том же месте, что и в прошлый раз.

– Завтра в семь, не опаздывайте, – скомандовал тип.

Не люблю, когда со мной разговаривают в подобном тоне, и почему опять нужно вставать в такую рань?! Но все же решив промолчать, я вылез из авто и хлопнул дверью чуть сильнее, чем следовало бы.

Глаза защипало, словно в них попало мыло. Кожу приятно ласкало летнее солнце, по которому я очень соскучился; должно быть, я уже загорел.

Поднявшись наверх и зайдя в квартиру, я почувствовал легкое облегчение, словно мне больше не придется возвращаться обратно. Очень этого не хотелось, но плотный конверт в кармане говорил о том, что возвращения не избежать.

– Алин! Родная, ты спишь?

Ответа не последовало.

«Должно быть, опять в берушах дрыхнет».

Я разулся и проследовал в спальню. Мысленно представляя, как забираюсь к ней под одеяло, нежно целую теплую, бархатистую кожу на плече, одновременно поглаживая рукой по бедрам. Постепенно становлюсь чуть жестче – она это любит, и...

Мечты оборвались, меня встретила запроваженная постель. Такого я точно не ожидал. Вдруг в кармане завибрировал телефон, я даже сначала испугался, совсем отвык от этого, на экране высветилась надпись «Любимая».

– Ал... – Алина перебила меня, не дав договорить.

– Олег! Ты где? – спросила она не своим, дрожащим от волнения голосом.

– Я дома, а вот ты где?

– Я у твоей матери, мы собирались идти в полицию писать заявление!

– Какое заявление? Что случилось?! – услышав слово «полиция», я почувствовал ведро ледяной воды, вылитое мне на голову и резко затухнувшее огонь желания.

– Ты куда пропал, почему на связь не выходил?! Мы с твоей матерью места себе не находим, она уже два дня на работу не ходит из-за тебя!

– В смысле, «куда пропал»? Просто в последний раз мы с тобой как-то неважно пообщались, и я подумал, приеду через пару дней, мы помиримся. погоди, я же тебе сказал, что в воскресенье приеду! Сегодня воскресенье.

– Да, в воскресенье! Только надо было уточнить – в какое, я не думала, что это воскресенье будет через две недели!

– Ты, ты вообще о чем? – я совсем не понимал, что происходит, она несла какой-то бред, – какие, к черту, две недели?

– Обычные, Олег, обычные две недели тебя не было, я уже собиралась идти писать заявление... Ты не звонишь, не пишешь, вечно вне зоны доступа, как прикажешь это понимать?!

– Я... я ничего не понимаю. Пожалуйста, приезжай домой, давай все обсудим. Самое главное, я здесь, и все хорошо, успокой мать, бери такси, я пока позавтракаю.

– Хорошо. – Она положила трубку.

Я стоял посреди комнаты в полном ступоре. В голове все мысли перемешались.

«Я же помню, как менялись числа в телефоне, помню, сколько раз ложился спать и вставал, не мог же я просто взять и потерять неделю – это хрень какая-то».

Я взглянул на дату в телефоне и ужаснулся.

«Вот же бл..., что за?»

Алина говорила правду, две недели прошло с того момента, когда я уехал поздно ночью.

«Этого не может быть, я не верю, что не заметил этого, я точно помню».

Я положил конверт на стол, приготовил завтрак и не спеша принялся жевать. Дома было ужасно душно. Хотя термометр показывал всего двадцать градусов, но как по мне, так

ощущались все сорок, словно я провел две недели не за городом, а в другой климатической зоне.

Минут через двадцать послышался звук открывающегося замка, на пороге появилась Алина. Ее лицо выглядело так, словно она отпахала смену в поле. Длинные белые волосы, наспех собранные в хвост, лоснились на свету. Под глазами образовались небольшие мешки.

Я отложил приготовленную наспех яичницу и, подойдя к жене, обнял ее. Она ткнулась носом в мою грудь. От одежды пахло остывшим потом и кофе с корицей – любимым напитком моей матери.

– Эй, ну ты чего? – Я старался говорить как можно тише и ласковее, поглаживая рукой по голове.

– Ничего. Почему ты не звонил? – наконец спросила она дрожащим голосом.

– Я немного обиделся на тебя, просто ты как-то странно отреагировала на мою командировку, словно тебе было все равно.

– Мне все равно? О чем ты говоришь? – Она отстранилась и строго взглянула на меня красными от подступающих слез глазами.

– Ну когда я звонил, помнишь? Ты разговаривала со мной очень холодно, создавалось впечатление, что тебе плевать.

Я еще раз взглянул на нее. Господи, как же она похудела. И эти синяки вокруг глаз. Она заметила это, и теперь краснота распространилась на щеки и нос; кажется, она готова

расплакаться.

– Что ты такое говоришь? Мне плевать? Мне? Как, как тебе вообще в голову такое пришло?!

– Ну... – Я чувствовал себя полным ничтожеством в этот момент.

«Может, я действительно погорячился, может, просто мне тогда так казалось, все из-за этого проклятого места?»

– Слушай, я был не прав, прости меня, пожалуйста, я не знаю, что на меня нашло, эта чертова тюрьма. Я, я просто козел, прости, пожалуйста. – Я начал целовать ее лицо, глаза, стараясь успокоить, снять незаслуженную красноту.

– Почему тебя не было так долго?

– Ты не поверишь, еще час назад я был уверен, что отсутствовал всего несколько дней, это какой-то бред! Я не понимаю, что произошло, может, они меняли дату в телефоне, пока я спал, хотя это глупости все... Я точно уверен, что не мог находиться там две недели, точно уверен. – Но я ни в чем не был уверен.

Дни в тюрьме менялись не только на экране телефона. Я также отсчитывал их, когда засыпал и просыпался.

«Помню каждую ночь или не каждую?»

– Ты мне веришь? – Я посмотрел ей в глаза, пытаюсь разобраться, принимает ли она эти слова всерьез или думает, что я вру.

– Сам-то как думаешь?

– Ну а где, по-твоему, я был?

– Не знаю. – Она отстранила мои объятия и подошла к столу.

– Что это? – вдруг спросила Алина, глядя на конверт.

– А? О, кстати, это моя зарплата! – Я вдруг вспомнил о деньгах, и на секунду мое настроение поползло вверх.

Алина утерла нос и вытащила купюры из конверта.

– Это твоя зарплата? – Она повернулась ко мне, ее глаза увеличились.

– Здорово, правда? – Я гордо заулыбался, глядя на ее реакцию.

– Очень здорово, даже слишком здорово. – Она держала в руках пачку денег и, шурша банкнотами, пересчитывала их снова вслух, потом шепотом.

Я пригляделся, и мне показалось, что пачка стала больше.

– погоди-ка, дай. – Я выхватил у нее пачку и пересчитал, затем еще раз и еще.

– Бред-бред-бред-бред. Я ни черта не понимаю, – кинув деньги на стол, я закрыл лицо руками и громко выдохнул: – Фу-ух.

– Что случилось-то? Не молчи. – Алина снова начала поднимать панику, поэтому я жестом попросил ее присесть, а сам налил нам воды.

– Я совсем не понимаю, что происходит. Вчера вечером я пересчитал эти деньги, я пересчитал их два раза, – для убедительности я показал «галку» пальцами.

– И что?

– А то, что их было в два раза меньше!

Она смотрела на меня взглядом: «Ты что, меня за дуру держишь?»

– Здесь должна быть другая сумма, за одну неделю, плюс компенсация за ожог. – Я тыкал пальцем в пачку.

– Какой ожог? Ты что, травмировался?

– Все уже прошло, вот смотри, – я показал ей руку.

– Ничего нет.

– Я и говорю, забей на ожог, все уже прошло. Так вот, денег здесь ровно столько, сколько мне должны были заплатить за две недели. Но я не понимаю, откуда они взялись, их не было столько. Ну что ты молчишь, скажи что-нибудь.

– Я понятия не имею, что говорить. Ты пропал куда-то посреди ночи, вернулся через две недели, еще эти деньги...

– Ты мне не веришь? – Я уже был на взводе и сам не замечал, как повышаю голос.

– Верю... наверно. По крайней мере, раньше ты мне никогда не врал.

– И сейчас не вру. Ладно, у меня сегодня один выходной, завтра я снова уезжаю, не хочу потратить его на ругань и выяснения всей этой чепухи.

Она вскочила со стула:

– Как уезжаешь? После всего этого ты хочешь вернуться туда?!

– А почему нет? Ты видела, сколько денег я принес? У меня договор с ними на восемь месяцев, сможем столько всего

купить и решить все проблемы.

– Восемь месяцев? – Ее губы задрожали, часто вздымающаяся грудь говорила о том, она вот-вот сорвется. – А обо мне ты подумал?

– Да я только и думаю о тебе, разве ты не понимаешь? Я делаю это ради тебя, ради нас. Неужели ты не понимаешь этого?

– А если ты уедешь и пропадешь там на полгода? Что мне прикажешь делать тогда?!

– Да с чего ты взяла, что я пропаду на полгода? – Все это перерастало в скандал, я чувствовал всем сердцем, что еще чуть-чуть, одна неловкая фраза, и выходной потеряю, но лед тронулся, и его уже не остановить.

– Ты же сам сказал, что должен был быть здесь неделю назад, почему ты так уверен, что это не повторится?

– Да просто это какая-то дурацкая ошибка. Я не понимаю, как так вышло, но это больше не повторится, иначе они будут искать другого сварщика, такой ответ тебя устраивает?

Она замолчала. Дыхание ее было частым, словно она пробежала стометровку. Кинув обиженный взгляд в мою сторону, она отвернулась и ушла в спальню, оставив меня один на один с мыслями и разложенными на столе деньгами. Я проклинал все вокруг.

Еда стояла комом в горле, не хотела протискиваться через пищевод, я залпом выпил стакан воды, затем обулся и направился в магазин за сигаретами.

Денек разгуливался, сонные люди по-воскресному, вразвалку перемещались туда-сюда, выгуливали собак, слонялись по магазинам, поправляли здоровье после субботних попок. Солнечные июльские лучи нещадно жарили, выпаривали влагу из организма, заставляли прятать глаза; это немного нервировало, хотелось найти тень.

Магазин находился близко. Закинув в корзину блок сигарет, печенье и другую мелочевку для работы, я проскользнул в ликеро-водочный отдел.

«Все равно день потерян, Алина так и будет теперь дуться, пока я не уеду, а потом начнет писать, извиняться, только это будет уже бессмысленно до тех пор, пока я не приеду в следующее воскресенье, тогда-то все и наладится».

Я встал возле витрины с элитным алкоголем. Деньги есть, можно себя побаловать бутылочкой Jack Daniels. Схватив с полки прямоугольную тару с мутным пойлом внутри, я направился к кассе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.